

Рудольф Штайнер
Мария Штайнер (фон Сиверс)

Письма и документы 1901—1925

GA 262
(фрагмент)

*Настоящей публикацией представлен фрагмент тома 262 из собрания трудов Рудольфа Штайнера — **первые сорок два письма** из переписки Рудольфа Штайнера и Марии Штайнер (фон Сиверс), охватывающие период с **1901 по 1905 год**. Полностью сохранившаяся переписка, включающая 257 писем и документов, представлена в книге, вышедшей в издательстве «Культурная эпоха» в декабре 2023.*

Библиотека
духовной
науки

2024

bdn-steiner.ru

Rudolf Steiner
Marie Steiner (von Sivers)

Briefwechsel und Dokumente 1901–1925

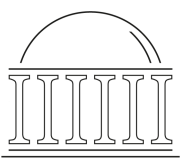
GA 262

Rudolf Steiner Verlag
Dornach/Schweiz
2002

Рудольф Штайнер
Мария Штайнер (фон Сиверс)

Письма и документы
1901—1925

GA 262

Культурная
эпоха

Москва
2023

УДК 82-6
ББК 71.07
Ш 87

Ш 87 Штайнер, Рудольф; Штайнер (фон Сиверс), Мария

Письма и документы, 1901–1925 / Рудольф Штайнер, Мария Штайнер (фон Сиверс); пер. с нем.: А. Жилов, К. Езерская. — М.: Изд-во «Буки Веди», 2023. — 572 с.

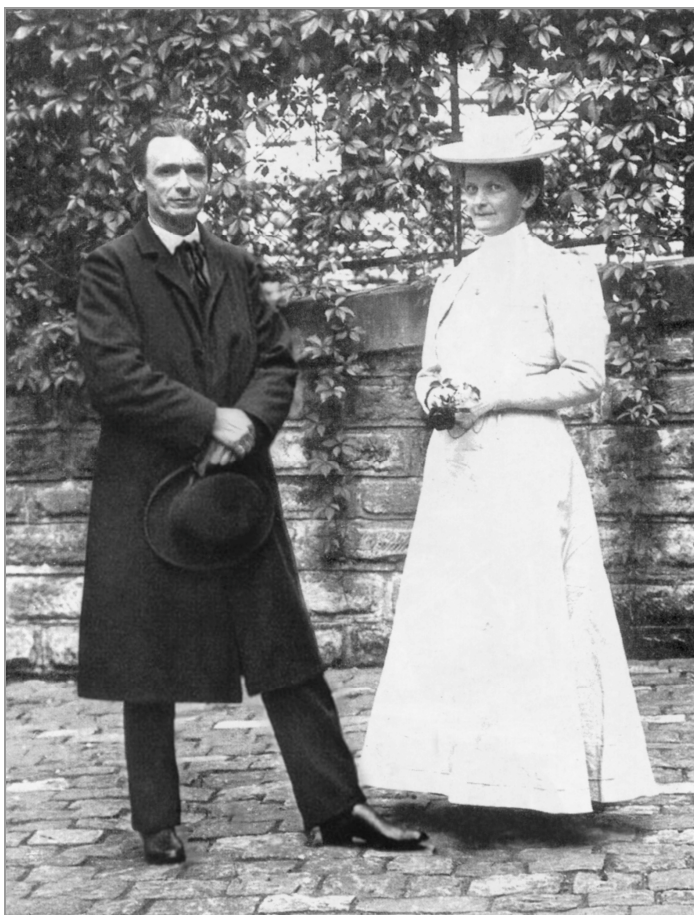
ISBN 978-5-4465-3999-4

Рудольф Штайнер (1861–1925) и Мария Штайнер (урождённая фон Сиверс, 1867–1948) являются теми, кто в начале двадцатого века привёл в мир антропософское движение, а затем и основал Всеобщее антропософское общество. Свои силы они посвятили работе над таким обновлением всех сфер человеческой жизни, которое основывается на духовнонаучном познании существа мира и человека. Впервые на русском языке представлена сохранившаяся часть их личной переписки.

Издание адресовано не только участвующим в антропософском движении и знатокам мировой культуры, но и любому заинтересованному читателю, стремящемуся понимать большие исторические и социальные процессы, человеческие отношения и себя самого.

Данным изданием представлен том 262 полного собрания трудов Рудольфа Штайнера (Gesamtausgabe, сокр. GA). На русском языке публикуется впервые.

Издательство «Культурная эпоха»
Издательство «Буки Веди»

Rudolf Steiner, Marie Steiner
geb. von Sivers

Предварительные замечания редактора к новому изданию 2002 года

Судьба Рудольфа Штайнера в необходимый момент привела его к встрече с Марией фон Сиверс⁷ — личностью, совместно с которой он мог отважиться в «верном, нерушимом братстве по оружию» вызвать к жизни современное антропософски ориентированное духовнонаучное движение. Личность духовно самостоятельная, высокообразованная, сведущая в мировой литературе, свободно говорящая на пяти языках и к тому же преисполненная исключительной способности предаваться делу, она смогла найти в себе силы действовать наравне с его грандиозной работоспособностью и продуктивностью. Кроме того, она обладала великолепными организаторскими способностями: «Я должен был писать, выступать с лекциями, а госпожа доктор организовывала всё Антропософское общество»⁸.

Она устраивала его лекционные поездки и сами лекции, а также вела связанную с этим и становящуюся всё более обширной переписку, — в те времена ещё от руки и к тому же, обычно, в дороге. И если поначалу Рудольф Штайнер путешествовал ещё один, то вскоре она стала его незаменимой спутницей и переводчицей в разговорах с иностранцами, а иногда переводила также и лекции. Она старалась разгрузить его, где только это было возможно. Чтобы освободить его от дополнительной временной нагрузки по переговорам с издателями, она основала собственное издательство. И когда стало необходимым организовать переписывание, печать и распространение конспектов его лекций, которые всегда давались в импровизационной форме, он передал ей также и эту область, включая ответственность за тексты, которые из-за постоянно расширяющейся лекционной деятельности не имел возможности проверять собственноручно. Глубоко радующая обоим область деятельности возникла из стремле-

⁷ Позднее, с Рождества 1914 года, — Мария Штайнер. (Здесь и далее в сносках, если нет пометки «Прим. пер.», даны примечания редактора немецкого издания.)

⁸ Лекция в Дорнахе 15 июня 1923 года (GA 258, «История и предпосылки антропософского движения в отношении к Антропософскому обществу»).

ния развивать в антропософском движении художественную жизнь, что увенчалось представлениями мистерий-драм и строительством для этого собственного здания, а также неустанным развитием нового искусства движения — эвритмии.

Об этой длившейся в течение двадцати трёх лет совместной работе на благо антропософского движения и общества совершенно особым образом свидетельствуют письма, которыми они обменивались, а также их завещательные распоряжения. Эти письма образуют существенное дополнение как к истории антропософского движения и общества, так и к биографии обоих основателей⁹.

Хотя переписка охватывает более двух десятилетий, она всё же не является непрерывной, так как они писали друг другу только тогда, когда не путешествовали вместе и не находились в одном городе. Несмотря на то, что здесь представлено большое количество писем, необходимо сделать оговорку: эти письма — «только те, которые до нас дошли». Ибо Рудольф Штайнер часто упоминает — особенно в годы до 1914 — письма Марии фон Сиверс, которые не сохранились. Принято считать, что они находились в большом запечатанном конверте, оставленном Марией Штайнер с распоряжением не раскрывая сжечь его после её смерти. Что и было сделано исполнителем завещания адвокатом д-ром Паулем Йенни из Цюриха в присутствии свидетельницы — Берты Реебштайн-Леман, секретаря Марии Штайнер. Кроме того, в этом конверте, вероятно, было по крайней мере одно письмо Рудольфа Штайнера, о существовании которого сообщила берлинская сотрудница Анна Самвебер. Она рассказала, что когда некоторые деятели из Антропософского общества поставили под сомнение права Марии Штайнер на литературное наследие Рудольфа Штайнера, Мария Штайнер дала Анне Самвебер прочитать его письмо, в котором было написано, что «...как

⁹ См. автобиографию Рудольфа Штайнера «Мой жизненный путь» (GA 28), а также представленную Хеллой Висбергер биографическую документацию «Мария Штайнер (фон Сиверс). Жизнь для антропософии» (Hella Wiesberger, «Marie Steiner (von Sivers) — Ein Leben für die Anthroposophie», Dornach 1988 und 1989), опубликованную в выпусках серии «Исследования трудов Рудольфа Штайнера. Публикации из Архива Рудольфа Штайнера».

было определено для них обоих в духовном мире, только вместе с ней он может выполнить свою земную задачу»¹⁰.

Возможно, то, что побудило Марию Штайнер не передавать эти документы будущим поколениям, — это прежде всего её собственная глубокая сдержанность в отношении всего, что связано с Рудольфом Штайнером, о чём столь ясно и отчётливо свидетельствует весь характер их сохранившейся переписки. Может быть, эти письма вообще сохранились лишь по недосмотру. Ибо они были обнаружены лишь спустя долгое время после её смерти, словно бы затерянные среди совершенно других бумаг. Ведь во время Второй мировой войны все фонды Архива Рудольфа Штайнера из соображений безопасности были перевезены в Беа-тенберг в Бернском Оберланде, и только после смерти Марии Штайнер их вернули в Дорнах.

Особенно примечательно, поскольку совершенно несентиментально, выражается глубокая сдержанность её собственной натуры — в приветствии, которое она употребляет. Так как Рудольф Штайнер часто называл её «Мышь» — любимая и часто используемая в Австрии и Баварии форма обращения, — она в ответ писала «Слон», но всегда сокращённо («С.»). Своим излюбленным и часто используемым обращением «Любимая моя» он хотел, по-видимому, укрепить её в том, что они состоят в «верном, нерушимом братстве по оружию», что с ней он всегда будет «чувствовать себя уверенно», ибо «ты понимаешь меня; и это даёт мне силы, это освобождает мне крылья» (письма №7, 10, 15). Не напоминает ли это то, как на языке мистерий ученик, наиболее глубоко воспринимающий интенции учителя, именуется любимым учеником? И не подтверждают ли это также слова из завещания от 19 февраля 1907 года, которыми Рудольф Штайнер наделяет её правом после его смерти распоряжаться от его имени: «Таким образом, сделанное ею будет сделано от моего имени» (№55)?

Если для первого издания переписки, вышедшего в 1967 году к столетию со дня рождения Марии Штайнер, из уважения к ещё живущим на тот момент лицам было предложено опустить большинство имён и некоторые сообщения, то теперь письма

¹⁰ Анна Самвебер, «Из моей жизни» (Anna Samweber, «Aus meinem Leben», Pforte-Verlag Basel 1981).

воспроизводятся в полном объёме, включая обращения и подписи. Однако в случаях резких выражений Рудольфа Штайнера в отношении тех или иных лиц следует иметь в виду, что он всегда хотел, чтобы его слова понимались как связанные с определённой ситуацией, а не как имеющие абсолютную силу. Письма лишь продолжают прерванные поездками конфиденциальные разговоры двух людей, которым в силу взятой ими на себя задачи приходилось иметь дело с человеческими слабостями и противодействием.

Кроме того, переписка дополнена вновь обнаруженными письмами Марии Штайнер, а также несколькими её и Рудольфа Штайнера письмами, обращёнными к третьим лицам и относящимися к той или иной конкретной ситуации.

Чтобы чрезмерно не перегружать примечания, было решено отказаться от представления детальных сведений о биографии и лекционной деятельности Рудольфа Штайнера, так как более подробно ознакомиться с этим можно в его автобиографии «Мой жизненный путь» (GA 28¹¹), а также в книгах Кристофа Линденберга «Рудольф Штайнер. Хроника»¹² и Ханса Шмидта «Лекционная деятельность Рудольфа Штайнера»¹³.

Замечания о редактуре и о дополнениях можно найти в конце этого тома в разделе «Об этом издании»¹⁴.

¹¹ Здесь и далее под номером GA указан номер тома в полном собрании трудов Рудольфа Штайнера (нем. Gesamtausgabe). На русском языке полный перечень томов представлен на сайте «Библиотека духовной науки», расположенном по адресу www.bdn-steiner.ru. — *Прим. пер.*

¹² Christoph Lindenberg, «Rudolf Steiner — Eine Chronik», Verlag Freies Geistesleben, Stuttgart 1988. — *Прим. пер.*

¹³ Hans Schmidt, «Das Vortragswerk Rudolf Steiners», Philosophisch-Anthroposophischer Verlag am Goetheanum, Dornach 1978, erweiterte zweite Auflage. — *Прим. пер.*

¹⁴ В оригинальном издании в качестве введения были опубликованы так называемые «Рукописи Барра» — автобиографические заметки Рудольфа Штайнера, написанные им для французского писателя Эдуарда Шюре в сентябре 1907 года в Барре (Эльзас). При подготовке настоящего перевода было решено их не включать, — в связи с планируемой публикацией в отдельном издании, посвящённом биографии Рудольфа Штайнера.

Письма и документы

1901—1925

Для пояснения рабочих и биографических взаимосвязей и контекстов, в условиях которых возникали письма и документы, отдельным годам или периодам редактор немецкого издания предпослал обзоры соответствующих событий, происходивших в немецкой секции Теософского общества, а позднее — в Антропософском обществе.

В конце сентября 1900 года Рудольфа Штайнера пригласили прочитать в Теософской библиотеке в Берлине лекцию, посвящённую памяти недавно умершего Фридриха Ницше. Эта библиотека принадлежала «Немецкому теософскому обществу» (НТО), которое было основано в 1894 году как ветвь Европейской секции Теософского общества, и с тех пор его делами руководил граф Брокдорф (1844–1921). В то время практически единственной деятельностью этой небольшой ветви была организация в библиотеке регулярных публичных лекций, которые проходили по четвергам и с которыми выступали самые разные представители общественной духовной жизни. — Лекция Рудольфа Штайнера выпала на период, когда он начал искать пути к тому, чтобы живущие в нём познания могли действительно войти в духовную жизнь современности. Первой такой попыткой была его статья к столетию со дня рождения И. В. Гёте, вышедшая в 1899 году в издаваемом им «Литературном журнале». Под названием «Тайное откровение Гёте» он опубликовал первое письменное изложение своей интерпретации «Сказки о зелёной змее и прекрасной Лилии» Гёте, эзотерическое содержание которой уже более десяти лет жило в его душе. Когда после первой лекции его пригласили прочитать следующую, то в качестве темы он предложил «Тайное откровение Гёте». Эта лекция 29 сентября 1900 года (в Европе — день архангела Михаила) стала отправной точкой антропософского движения¹⁵, поскольку здесь, как сообщает Рудольф Штайнер в автобиографии, он впервые за всё время своей обширной лекционной деятельности мог обратиться к кругу людей, глубоко заинтересованных в конкретных духовных познаниях, что давало возможность и обращаться к ним «непосредственно из мира духа». До этого его сообщения всегда воспринимались как представляющие лишь «литературный» интерес.

¹⁵ Это было первое эзотерическое выступление Рудольфа Штайнера перед слушателями. Примечательно, что его последнее выступление состоялось также в день архангела Михаила, через двадцать четыре года, 29 сентября 1924, когда он прочитал в дорнахской Столярной лекцию о пророке Илии, Иоанне Крестителе, Рафаэле и Новалисе. — *Прим. пер.*

После этой второй лекции он был приглашён графиней Брокдорф (1848–1906) выступать перед членами НТО каждый вторник в течение зимы. Содержание цикла этих лекций, начавшихся 16 октября 1900 года, он изложил затем в книге «Мистика на заре духовной жизни Нового времени и её отношение к современному мировоззрению» (GA 7).

Мария фон Сиверс в последние годы зиму проводила на учёбе сначала в Париже, затем в Берлине, стремясь избежать узкого формализма, свойственного аристократическим кругам на её родине в Санкт-Петербурге. Лето 1900 года она провела на курляндском побережье Балтийского моря. Там, в одиночестве среди песчаных дюн, она читала недавно вышедший «Театр души» Эдуарда Шюре с двумя драмами — «Дети Люцифера» и «Сестра-хранительница», — первыми шагами Шюре к его идеалу театра будущего. Этот театр должен был стать храмом, в котором сверхчувственный мир соединяется с чувственным. Мария фон Сиверс была глубоко тронута встречей с родственным духом, стремящимся воплотить её собственные идеалы. Сама она за год до этого прервала многообещающую театральную карьеру, которой добивалась вопреки воле своей семьи и которая потребовала длительной подготовки, — сразу, как только столкнулась с неприемлемыми для себя традициями театрального быта. Вернувшись осенью в Берлин, в начале октября она обратилась к Шюре с просьбой позволить ей перевести первую драму на немецкий язык. Шюре с радостью согласился, и между ними завязалась интенсивная переписка, в которой он указал ей на Теософское общество. В одной из газет она нашла объявление Берлинского общества и присоединилась к слушателям уже начавшегося цикла лекций Рудольфа Штайнера в Теософской библиотеке. В ноябре 1900 года она стала членом общества.

19 октября 1901 года, после летней паузы, Рудольф Штайнер начал читать второй цикл, содержание которого он также переработал затем в книгу («Христианство как мистический факт», GA 8). Мария фон Сиверс, проведя лето в Ливонии, снова приехала в Берлин. 17 ноября во время мероприятия, посвящённого празднованию годовщины основания Теософского общества, между ними состоялся судьбоносный разговор. Рудольф Штайнер не был членом Теософского общества, лекции в библиотеке

являлись лишь очень малой частью его обширной деятельности и не имели ничего общего с уже существующими теософскими учениями, в чём можно легко убедиться на основании содержания его книг. Во время этого разговора, который Рудольф Штайнер впоследствии не раз упоминал в своих лекциях, она спросила его, почему он не вступает в общество. Он ответил, что должен делать существенное различие между восточной и западной мистикой. То, что он должен представлять, подверглось бы извращённой оценке, если бы он стал членом общества, отличительной чертой которого является приверженность дурно понятой мистике Востока. Для нашего времени существуют более значительные духовные импульсы. На её дальнейший вопрос, не является ли тогда необходимым вызвать к жизни духовное движение в Европе, он ответил: конечно, теперь это необходимо; но он найдёт возможным связать себя только с таким движением, которое основано на западном тайноведении и которое продолжит его развивать. Йоханна Мюкке сообщает, что он рассказал ей об этом намного позже и добавил: «Мне был задан вопрос, и согласно законам духовного мира я мог начать отвечать».

Вскоре после этого Мария фон Сиверс уехала на несколько месяцев в Болонью, где её попросили помочь основать новую теософскую ложу. Существующие итальянские ложи, входившие в Европейскую секцию, решили основать свою собственную секцию. Согласно уставу для такого основания требовалось наличие семи лож, и для достижения этого числа была необходима Болонья. Учредительное собрание новообразованной секции состоялось 1 и 2 февраля 1902 года в Риме.

В декабре перед Рудольфом Штайнером снова встал вопрос о членстве. Брокдорфы в силу возраста планировали покинуть Берлин в течение следующего года и спросили, не возьмёт ли он на себя руководство теософской работой в Берлине. Решение далось ему нелегко (в своём письме Марии фон Сиверс от 9 января 1905 года он говорит об этом). Но в итоге он пришёл к убеждению, что он с его работой всё же должен присоединиться к той деятельности, начало которой положила Е. П. Блаватская.

Однако своё решение он связал с условием, что в осуществлении этой задачи ему будет помогать Мария фон Сиверс. Графиня Брокдорф написала ей в Болонью. Переписка была потеря-

на, поэтому невозможно точно определить, когда именно Мария фон Сиверс решила взять на себя эту роль. Похоже, что ещё до февраля она колебалась, и граф Брокдорф, возможно, несколько преждевременно обратился к европейскому генеральному секретарю Бертраму Кейтли с просьбой принять Рудольфа Штайнера в общество. С письмом от 15 января 1902 года граф отправил Рудольфу Штайнеру полученный из Лондона членский билет. Так Рудольф Штайнер сменил проживавшего в Ганновере Вильгельма Хюббе-Шляйдена на посту председателя Берлинской ветви. Граф Брокдорф продолжал временно вести дела, пока в сентябре не передал их Марии фон Сиверс. Рудольф Штайнер решил поставить свою мощную силу на службу Теософскому обществу и тем самым смог осуществить такое углубление изначального спиритуального импульса, какого никто не мог себе представить, что для общества было весьма значимым фактом. Тогда невозможно было предвидеть, что Теософское общество за пределами Германии позднее пойдёт по пути, ведущему к утрате собственной сущности.

В Германии уже какое-то время существовало стремление создать национальную секцию. В конце апреля, после некоторой неразберихи вокруг вопроса, кто должен стать генеральным секретарём, с просьбой занять эту должность обратились к Рудольфу Штайнеру. Он согласился, и в начале июля подписанное десятию немецкими ветвями ходатайство о выдаче учредительной хартии было направлено живущему в Адьяре близ Мадраса президенту Теософского общества Генри Стилу Олкотту, который выдал её 22 июля. Со стороны Берлинской ветви Рудольф Штайнер поставил подпись как её председатель, а граф Брокдорф — как секретарь.

Помимо десяти упомянутых ветвей, связанных с Адьяром, существовало ещё более пятидесяти групп в Германии, Австрии и Швейцарии. Это были по большей части автономные группы, находившиеся в свободной связи с «Теософским обществом в Германии» (с центром в Лейпциге). Последнее было основано д-ром Францом Гартманом в 1895 году в связи с делом Джаджа. Его генеральным секретарём был Эдвин Бёме¹⁶. Разногласия с этим Лейпцигским обществом, независимым от Адьяра и обозначае-

¹⁶ См. также примечание к письму №13. — *Прим. пер.*

мым как сецессионное, играли для некоторых старых теософов большую роль. Рудольф Штайнер в дальнейшем об этом не заботился, и многие из существующих групп (например, в Базеле, Санкт-Галлене, Бремене, Эльберфельде, Нюрнберге, Мюнхене, Гейдельдерберге, Вене) со временем нашли свой путь к немецкой секции, поскольку в числе других ораторов они приглашали с лекциями и Рудольфа Штайнера.

В начале мая Мария фон Сиверс вернулась из Болоньи в Берлин. Было принято решение о совместном с Рудольфом Штайнером участии в ежегодном собрании Европейской секции в Лондоне. Она выехала уже в середине июня, тогда как Рудольф Штайнер последовал за ней только 1 июля, поскольку до отъезда хотел отдать в печать свою книгу «Христианство как мистический факт». Выступая теперь в качестве генерального секретаря, он познакомился с некоторыми из ведущих теософских деятелей того времени: помимо Кейтли это были учёный Джордж Р. С. Мид и знаменитый оратор Анни Безант. Таким образом, он мог получить представление о состоянии дел в Теософском обществе. Обратный путь был спланирован через Париж, в том числе и с целью знакомства с Эдуардом Шюре, который, однако, к тому времени уже уехал на всё лето в Эльзас. Мария фон Сиверс же прямо из Лондона уехала в Петербург к своей семье. 17 сентября она вернулась в Берлин, чтобы взять на себя управление делами Берлинской ветви. 26 сентября 1902 года Рудольф Штайнер написал Вильгельму Хюббе-Шляйдену: «Госпожа фон Сиверс уже работает на своём месте. Её появление — нечто исключительное и прекрасное на фоне нынешнего бедственного положения. Я рад, что она здесь. На неё я могу положиться во всём».

После того как Рудольф Штайнер решил вести свою деятельность в рамках Теософского общества, он начал публично выступать от его лица. В своей лекции о монизме и теософии, прочитанной 8 октября 1902 года в Союзе Джордано Бруно перед тремястами слушателей, собравшимися в зале заседаний городской ратуши Берлина, он представил проект своей будущей деятельности, который был воспринят довольно благожелательно, хотя и снова лишь «литературно».

Генеральное собрание немецкой секции состоялось 19 и 20 октября 1902 года, после того как днём ранее были обсуждены и урегулированы все разногласия. В первый день был принят устав и избрано правление, представляющее все ветви: Рудольф Штайнер в качестве генерального секретаря, Генриетта фон Хольтен как казначей, а также Мария фон Сиверс (Берлин), Юлиус Энгель и Густав Рюдигер (Шарлоттенбург), Вильгельм Хюббе-Шляйден (Ганновер), Людвиг Дайнхард (Мюнхен), Гюнтер Вагнер (Лугано), Бернхард Хубо и Адольф Кольбе (Гамбург), Бруно Берг (Дюссельдорф), Людвиг Нолль (Кассель), Адольф М. Оппель (Штутгарт), Рихард Бреш (Лейпциг). Вечером из Лондона прибыла Анни Безант, которую собравшиеся члены общества встретили на вокзале Фридрихштрассе. На следующий день она вручила Рудольфу Штайнеру учредительную хартию.

У художественно одарённой Марии фон Сиверс началась непривычная жизнь, так как вскоре она вела дела уже не только Берлинской ветви и библиотеки, но также и всей немецкой секции, которая активно росла: от изначальных ста двадцати членов до двух тысяч пятисот в 1912 году, от десяти ветвей до пятидесяти четырёх. Хотя даже эта административная задача была уже очень велика, к ней прибавилось и множество других: организация и сопровождение лекционных поездок Рудольфа Штайнера, публикация записей его лекций, организация собственного издательства. Так что на какое-то время её усилия, связанные с развитием искусства речи, отступили на задний план. Как на фоне этой бурной жизни идеалы её юности всё-таки смогли прийти к осуществлению благодаря связи с Рудольфом Штайнером, ставшей сердцем сначала немецкой секции, а затем и Антропософского общества, — об этом будет рассказано отдельно в изложении, относящемся к 1914 году.

1. Марии фон Сиверс, предположительно, в Берлин
Суббота, 13 апреля 1901

Фриденау-Берлин, 13 апреля 1901

Высокочтимая милостивая государыня!

Благодарю за «Теософское обозрение». Посылаю его Вам одновременно бандеролью. Статья о Бэконе очень интересна. Она даёт мне возможность помыслить в самых различных направлениях. Но у меня есть решительное чувство, что автор подходит к предмету несколько легковесно. Я не могу разделить убеждения, что философские сочинения Бэкона таят в себе эзотерический смысл. Впрочем, это, наверное, необходимо, когда хотят рассматривать его как розенкрейцера. Многократно прошу прощения за задержку.

С наилучшими пожеланиями, полностью преданный Вам

д-р Рудольф Штайнер

Фриденау-Берлин, Кайзер-аллее, 95

«Теософское обозрение»... Статья о Бэконе: «Причины считать Фрэнсиса Бэкона розенкрейцером» за подписью А. А. Л. в «Теософском обозрении», том XXVII, №161 от 15 января 1901 г.

2. Рудольфу Штайнеру в Берлин
Среда, 18 июня 1902, из Лондона

20 Clifton Gardens, Maida Vale, W
18 июня

Глубокоуважаемый господин доктор,

было бы очень хорошо, если бы Вы могли быть здесь уже утром в воскресенье, 22-го, потому что тогда Вы получите более полное впечатление о миссис Безант. Она — исключительное и един-

ственное в своём роде явление, и нужно дать ей на себя подействовать как оратору, чтобы составить о ней впечатление. К сожалению, в этом отношении Вы попадаете весьма неудачно, так как наступают дни коронации, когда все празднуют, и лекции не читаются. В воскресенье, 22-го, в 7 часов, миссис Безант читает предпоследнюю из своих общедоступных лекций — «Святые короли». Она до такой степени жрица в этом цикле лекций, что я могу лишь посоветовать Вам — Вам, которому немногие могут что-то дать, — получить это впечатление. Во вторник, 24-го — последний из другого цикла докладов, перед меньшей аудиторией, — «Воля, эмоции и желание», в котором её логика, острота мысли и масштаб смогли полностью раскрыться. Вы должны были бы услышать по крайней мере это последнее. Самый абстрактный и тяжёлый цикл только для членов общества — «Сознание и его механизм» — к сожалению, заканчивается завтра, вечером в четверг. Таким образом, из этого Вы ничего уже не услышите. Кроме того, 23-го Ледбитер должен выступать в ложе Блаватской, что, вероятно, также не повторится. Так что если эти три дня — 22, 23 и 24-го — Вас здесь не будет, у Вас по-прежнему будет лишь воскресная лекция и дни собрания, по крайней мере, ни о чём другом мы пока не знаем. Господин Кейтли, который рад с Вами познакомиться и лишь просит меня извинить за его «сверхзанятость» в это время, живёт по адресу «30 Linden Gardens, Bayswater, W». Запишите его себе точно — на случай, если Вам придётся брать «кэб» самостоятельно. Если Вы потеряете или забудете адрес, приезжайте, конечно, в наш пансион. В любом случае я жду сообщения и собираюсь на станцию, чтобы поприветствовать Вас там, если что-то непредвиденное мне не помешает.

Большой привет Вам и Вашей супруге

М. ф. Сиверс

если бы Вы могли быть здесь уже утром в воскресенье, 22-го: Рудольф Штайнер, который 30 июня 1902 года ещё вел в Ганновере переговоры с Хюббе-Шляйденем и Дайнхардом об основании секции, был в Лондон только 1 июля 1902.

миссис Безант: Анни Безант (Annie Besant), урождённая Вуд (Wood, 1847–1933), англичанка, авторитетный деятель Теософского общества, с 1907 года — его президент.

дни коронации: Эдуард VII Английский, взошедший на трон в 1901 году, был коронован в июне 1902.

Ледбитер: Чарльз Вебстер Ледбитер (Charles Webster Leadbeater, 1847–1934), англичанин, теософский автор, примерно с 1908 года ближайший сотрудник Анни Безант; в 1906 году спровоцировал затяжной тяжёлый кризис в Теософском обществе.

Блаватской: Елена Петровна Блаватская (1831–1891), русская, основательница и первоначальная носительница духовной миссии Теософского общества, учреждённого в Нью-Йорке 17 ноября 1875 года.

дни собрания: Ежегодное собрание Европейской секции Теософского общества в Лондоне. Рудольф Штайнер говорил там о задачах секций стран, в особенности о задачах немецкой секции.

Кейтли: Бертрам Кейтли (Bertram Keightley, 1860–1949), англичанин, сотрудник Блаватской. В 1901–1905 генеральный секретарь Европейской секции (с июля 1902 — британской секции) Теософского общества, Лондон. В даты, обсуждаемые в письме, Рудольф Штайнер был приглашён остановиться у него. Кейтли очень хорошо говорил по-немецки и в январе 1902 года опубликовал в «Теософском обозрении» реферат с выборочным переводом сочинения Рудольфа Штайнера «Мистика на заре духовной жизни нового времени», что открыло для Рудольфа Штайнера возможность вступить в Теософское общество. Он упомянул об этом 14 декабря 1911 в Берлине: «Этот факт я и тогда, и сейчас определяю так: это было связано с тем, что Теософское общество ничего от меня не требовало, — не требовало, чтобы я имел что-то общее с какими-либо правилами, принципами, догмами, которые следовало бы представлять, но оно принимало нечто от меня, извне, — то, что давалось мною. Так что это было самое дружеское приглашение, какое только можно было сделать» (GA 264).

супруге: Анна Штайнер (Anna Steiner), в первом замужестве Ойнике (Eunike), урождённая Шульц (Schultz, 1853–1911), с 1899 замужем за Рудольфом Штайнером. Его письма к ней опубликованы в GA 39.

3. Марии фон Сиверс в Россию (предположительно, в Петербург)
Среда, 20 августа 1902

Фриденау-Берлин, 20 августа 1902

Высокочтимая милостивая государыня!

Большое спасибо за Ваше письмо, которому я очень обрадовался. «Тайная доктрина» доставлена надлежащим образом и лежит на моём письменном столе, на котором уже прямо сейчас оказывает мне большую услугу, так как в ходе соответствующих исследований я должен постоянно к ней обращаться. От путешествия в Эльзас я должен был по разным причинам воздержаться. Во время моего пребывания г-на Шюре уже не было в Париже. Мне бы так хотелось поговорить с ним. Как мне кажется, существуют вещи, о которых его суждение для меня очень важно. Конечно, визит в сентябре — помимо всех остальных причин — уже потому невозможен, что мы будем полностью загружены работой.

Основание нашей немецкой секции продвигается, похоже, тяжелее, чем я думал об этом в Англии. К неприятностям, встретившим меня по возвращении, в настоящий момент добавляется ещё и только что полученное мною письменное сообщение мисс Хупер, что Олкотт не может разобраться с двумя заявлениями, которые получил. Так что вполне вероятно, что теперь мы должны восемь недель ждать хартии, ведь это займёт именно столько времени, пока Олкотт получит моё письмо, и затем хартия будет здесь. Тем не менее я хочу попросить Вас, чтобы Ваша подруга в Курляндии подождала до основания нашей секции. Прямо сейчас, до основания секции, мне кажется, будет лучше, если мы подождём со всем этим до той поры, когда секция у нас будет.

Когда Вы приедете, моё сочинение «Христианство как мистический факт» будет готово, так же как и сочинение «Служи вечному» Хюббе-Шляйдена (но я прошу Вас не раскрывать анонимность, под которой скрывается Х. Ш.). Я надеюсь, что именно эти два сочинения помогут нам продвинуться вперёд в Германии. Я очень много работал с обоими. Теперь это относится к прекраснейшим из моих часов — видеть одновременно возникающим сочинение Хюббе-Шляйдена. Для меня это величайшая

отрада, иметь возможность работать в согласии с Хюббе-Шляйденем. Я нахожу в нём полное созвучие относительно важнейших пунктов *внутреннего* формирования немецкого движения. И меня несказанно огорчает, что он встречает так мало понимания у прежних «лидеров» немецкого теософского движения (Бреша, Хубо и их сторонников). В Хюббе-Шляйдене живёт действительная *потенция* исторического духовного развития; в господах Хубо и Бреше — вовсе нет. Им недостаёт некоторых предпосылок, необходимых для руководства. И плохо, что при существующем теперь немецком духовном укладе, возможно, будет трудно удерживать этих людей в границах. Будут вещи, в которых они при основании секции станут, вероятно, создавать непреодолимые препятствия. Это ведь самое роковое, когда у тех, кто хочет задавать тон, всё является застывшей догмой, а основополагающее *мышление* при этом *почти* полностью отсутствует. Всё, что подступало ко мне в последнее время, указывает на то, что способ, каким проявляются Бреш и Хубо, *отталкивает* в Германии людей, в которых латентно присутствует теософский настрой и которых нам *необходимо* привлечь. Когда Вы прибудете в Берлин, нам нужно будет много поговорить об этих вещах! Надеюсь, мы можем ожидать Вас в Берлине 15-го сентября.

Моя супруга шлёт наилучшие пожелания, также Ваш

д-р Рудольф Штайнер

Фриденау-Берлин, Кайзер-аллее, 95

«*Тайная доктрина*»: Наряду с «Разоблачённой Изидой» является основополагающим трудом Е. П. Блаватской. Очевидно, в качестве подготовки к своей деятельности в Теософском обществе Рудольф Штайнер ознакомился с принятыми там учениями.

путешествия в Эльзас: Барр (Эльзас), где Эдуард Шюре, обычно проживающий в Париже, проводил летнее время.

г-на Шюре: Эдуард Шюре (Édouard Schuré, 1841–1929), французский писатель, член Теософского общества во Франции. С 1899 года состоял в переписке с Марией фон Сиверс и благодаря её переводам вошёл

в немецкое языковое пространство. На торжественных представлениях в Мюнхене в 1907 и в 1909–1912 гг. были сыграны его «Священная драма Элевсина» и «Дети Люцифера». В 1913 присоединился к Антропософскому обществу. О нём как о писателе Рудольф Штайнер говорил в лекции 1 марта 1906 года (GA 54); о его личной связи с Марией Штайнер и Рудольфом Штайнером см.: Хелла Висбергер, «Мария Штайнер, жизнь для антропософии» (Hella Wiesberger, «Marie Steiner, ein Leben für die Anthroposophie», Dornach 1989).

Париже: Рудольф Штайнер останавливался в Париже с 13 по 19 июля на обратном пути из Лондона.

Олкотт: Генри Стил Олкотт (Henry Steel Olcott, 1832–1907), американец, сооснователь и первый президент Теософского общества вплоть до своей смерти.

с двумя заявлениями... хартии: В мае 1902 года Рихард Бреш попытался собрать в Лейпциге подписи председателей десяти ветвей Европейской секции в Германии под заявлением о выдаче учредительной хартии для основывающейся немецкой секции с Рудольфом Штайнером в качестве генерального секретаря. При этом Бреш давал подписывать заявление в двух экземплярах. Когда Хюббе-Шляйден стал создавать трудности, Бреш не долго думая отправил в июне один экземпляр без подписей Хюббе-Шляйдена (Ганновер), его кузена Гюнтера Вагнера (Лугано) и его друга Людвига Дайнхарда (Мюнхен) генеральному секретарю Европейской секции Бертраму Кейтли в Лондон. Кейтли перенаправил это заявление президенту Г. С. Олкотту в Адьяр (Индия) вместе с письмом, в котором уведомил, что Хюббе-Шляйден напишет Олкотту. Олкотту не понравилось отсутствие подписей из Ганновера, Лугано и Мюнхена. 9 июля он написал Хюббе-Шляйдену, что обещанное письмо не пришло, что он подождёт почты ещё следующую неделю, а затем отправит Кейтли незаполненный бланк хартии с полномочиями выдавать её тем лицам, у которых она, по его мнению, должна быть. Очевидно, он так и сделал, и это письмо к Кейтли от примерно 16 июля прибыло в Лондон около 3 августа.

В Германии ситуация прояснилась вскоре после того, как стало известно о действиях Бреша, и 30 июня Хюббе-Шляйден и Дайнхард в Ганновере последними подписали второй экземпляр, который Рудольф Штайнер доставил в Лондон и который 4 июля был отправлен в Адьяр. 22 июля Олкотт выписал окончательную учредительную хартию и того же числа отправил письмо Хюббе-Шляйдену, а также письмо Рудольфу Штайнеру с призывом учредить секцию. Письмо

Хюббе-Шляйдену прибыло в Ганновер 10 августа. Письмо Рудольфу Штайнеру и хартию Олкотт отправил Кейтли в Лондон, откуда оно только 28 августа, с восемнадцатидневной задержкой, прибыло в Берлин.

Кейтли после ежегодного собрания отбыл из Лондона в Индию и передал руководство секцией миссис Айви Хупер, которая, однако, показала себя в исполнении руководящих обязанностей весьма нерадивой: 15 августа, когда письмо от Олкотта к Рудольфу Штайнеру от 22 июля уже должно было лежать среди её корреспонденции, она написала: «Уважаемый д-р Штайнер, полковник Олкотт написал мистеру Кейтли по поводу хартии для немецкой секции. <...> По-видимому, возникли формальные препятствия для выдачи хартии из-за того, что полковник Олкотт получил с связи с этим два различных заявления. Он попросил мистера Кейтли посоветоваться со своими коллегами в Германии и действовать в качестве доверенного лица полковника Олкотта. <...> Я адресовала вопрос миссис Безант, и она высказала мнение, что лучше всего будет передать дело ей. <...> Поэтому, пожалуйста, будьте так добры прояснить, какая из двух групп заявителей должна получить хартию, а затем сообщите о своём решении президенту». Так что она всего лишь обработала письмо от Олкотта к Кейтли от 16 июля, не учла почти три недели доставки почты, не заметила, что оно давно устарело, и, кроме того, выдумала для письма основания, о которых Олкотт при его составлении ничего не мог знать.

подруга в Курляндии: Предположительно, Мария фон Штраух-Шпеттини (Maria von Strauch-Spettini, 1847–1904), которая в январе 1903 стала членом общества. Она была одной из преподавательниц Марии фон Сиверс по актёрскому мастерству и искусству речи, см.: Хелла Висбергер, «Мария Штайнер, жизнь для антропософии».

Хюббе-Шляйдена: Вильгельм Хюббе-Шляйден (Wilhelm Hübbe-Schleiden, 1846–1916), в 1885 году сооснователь первого теософского объединения в Германии, издатель оккультного ежемесячника «Сфинкс», в 1897–1901 гг. председатель основанного в 1894 «Немецкого теософского общества» в Берлине. В 1911 году стал орудием Анни Безант, когда она захотела избавиться от немецкой секции.

сочинение Хюббе-Шляйдена: Письма Рудольфа Штайнера Хюббе-Шляйдену, из которых проистекла совместная работа над этим сочинением, были напечатаны в: Рудольф Штайнер, «Письма, том II», Дорнах, 1953; они предполагаются к изданию в GA 250.

Бреша: Рихард Бреш (Richard Bresch), с 1898 года член общества, с 1899 по 1906 издатель теософского журнала «Вахан», руководитель входящей в немецкую секцию Лейпцигской ветви, пока в 1905 году не вышел из общества. Рудольф Штайнер упоминает о нём в лекции 14 декабря 1911 в Берлине (GA 264) как о «личности, которая между тем вышла из общества и которая также была проводником кармы, — каким образом, об этом может быть много рассказано в связи с духовным, — получилось так, что господин Рихард Бреш, тогдашний председатель Лейпцигской ветви, после того как он посоветовался с различными людьми, пришёл однажды к графу Брокдорфу и сказал: если д-р Штайнер теперь уже является председателем Берлинской ложи, то он может быть также и генеральным секретарём немецкой секции. — Теперь сложилось всё необходимое, чтобы принять это предложение стать председателем немецкой секции».

Хубо: Бернхард Хубо (Bernhard Hubo, 1851–1934), коммерсант, в 1898 году основатель и председатель ветви Пифагора в Гамбурге. Из-за своего непростого характера поначалу создавал некоторые трудности, но затем стал верным защитником дела антропософии.

ожидать Вас в Берлине 15-го сентября: Мария фон Сиверс прибыла в Берлин 17 сентября 1902 года и с 20 сентября официально взяла на себя ведение дел Берлинской ветви и Теософской библиотеки.

4. Посвящение Марии фон Сиверс на введении к трудам Уланда

В 1902 году Рудольф Штайнер издал труды Людвига Уланда, дополнив их биографическим введением, вышедшим в виде отдельного издания. — Ср. со сборником «Биографии и биографические очерки 1894–1905», GA 33.

Fräulein v. Sivers
in herzlichster Hochachtung

Rudolf Steiner

29. Sept. 1902.

Ludwig Ahland

von

Dr. Rudolf Steiner.

Separat-Abdruck der Einleitung zu „Ahlands Werke“
(3 Bände).

Verlag von A. Weichert, Berlin NO. 43.

Госпоже фон Сиверс с искренним уважением, Рудольф Штайнер
29 сент. 1902

Сразу после учредительного собрания в октябре 1902 года Рудольф Штайнер начинает — наряду со всеми прочими взятыми на себя обязательствами, прежде всего в школе для рабочих, а также в «Свободной высшей школе», в «Грядущих»¹⁷ и ряде других организаций — развивать духовную науку настолько, насколько это вообще возможно, начав с нескольких идущих параллельно курсов для членов общества. Но главной задачей он видит работу в публичном пространстве. Для этого основывается ежемесячный журнал «Люцифер», в котором представляются основополагающие духовнонаучные познания. Первый номер выходит 1 июня, и первый год издания приносит, среди прочих, следующие статьи: «Посвящение и мистерии», «Реинкарнация и карма, необходимые понятия с точки зрения современного естествознания», «Как действует карма», «Теософия и социализм», «Оккультное исследование истории» (GA 34).

В июле Рудольф Штайнер и Мария фон Сиверс принимают участие в ежегодном собрании британской секции в Лондоне, в ходе которого происходит основание Федерации европейских секций Теософского общества — объединения европейских секций, которое затем будет проводить ежегодный конгресс.

Осенью начинаются большие циклы открытых лекций в Берлине, в основном в Доме архитекторов, которые продолжаются каждое зимнее полугодие вплоть до 1918 года. Эти посещённые множеством слушателей лекции представлены в полном собрании трудов (GA 52–67). — Лекционная деятельность пока ещё практически полностью ограничена Берлином, но существует стремление при помощи членов общества представить её также и в других городах. Проходят первые публичные лекции в Дюссельдорфе, Гамбурге и Кёльне, и прежде всего — три лекции весной в Веймаре, где впервые после основания секции создаётся новая ветвь. Осенью Рудольф Штайнер ещё раз посещает с лекциями Веймар.

¹⁷ Основанное другом Рудольфа Штайнера поэтом Людвигом Якововски общество, членами которого были литераторы, художники, учёные и просто люди, интересующиеся искусством. — *Прим. пер.*

5. Марии фон Сиверс в Шлахтензее (Берлин)

Четверг, 16 апреля 1903

Написано на бланке с грифом: Kaiser – Kaffee – Konditorei

Веймар, 16 апреля 1903

Дорогая моя верная сестра! Итак, первая лекция прочитана. Слушателей было довольно много. Часто мне казалось, что я должен искать тебя в аудитории. — Кстати, я сразу увидел, что для Веймара должен говорить несколько иначе, чем делал это в Берлине. Сопротивления хватает и здесь. Госпожа Любке работает самоотверженно. Всё было устроено самым прекрасным и наилучшим образом. У неё по-настоящему теософский образ мыслей. — Конечно, я постоянно приобретаю, особенно в других городах, новый важный опыт в отношении способа работы. Я надеюсь, мы продвинемся вперёд, если я старательно воспользуюсь всем этим опытом. Действуя вдвоём совместно, *мы можем* надеяться чего-то достичь в Германии. Мы вместе даже тогда, когда пространственно находимся не рядом друг с другом. — Вторую лекцию я сделаю более общедоступной, чем это было в Берлине. В маленьком Веймаре, кажется, пока ещё слишком мало разбираются в *эволюции* и естественных науках, несмотря на то что Геккель работает в университете соседней Йены.

Вчера после лекции господин фон Хеннинг затащил меня к шлараффенам, членом общества которых он является. Это была жертва; но я хотел её принести, так как об этом также просил редактор веймарской газеты «Германия»; а было бы нежелательно, чтобы газеты с самого начала враждебно относились к теософскому движению. В маленьких городах газеты имеют намного больше влияния, чем в крупных. Но я снова мог получить опыт *sub specie humanitatis*¹⁸. Прежде я никогда не был на заседании Шлараффии. Это нечто, что было изначально основано как пародия на определённые уродства общественной жизни. Что ж, поучительно видеть, как подобные вещи проникают в жизненные силы людей. Эта Шлараффия имеет тысячи членов общества во всех частях Германии и Австрии и ветви в большинстве не-

¹⁸ С точки зрения человечества (лат.). — *Прим. пер.*

мецких городов. Её изначально пародийный характер нынче вряд ли можно считать таковым; ибо игра действует на души людей всерьёз. Нечто подобное стоит увидеть, чтобы знать, что живёт в душах как стремления, уводящие от того, куда хотим привести мы. Иначе часто совсем не знаешь, где находится исходная точка определённых астральных вибраций, которые противостоят с большой силой и чьё происхождение следует искать *под* поверхностью нашего социального бытия. В таких местах скапливается множество сил, противостоящих теософии. Они ведут свою игру под самыми удивительными масками. Особенно их можно узнать в форме льстецов, которые медленно и верно пробираются в душу. Многие из вещей, противодействующих нашему движению, ведут, если проследить за сферой их действия, в такие или подобные им места. Люди, сидящие перед нами, часто довольно мало с нами, потому что ими дирижируют силы, которые тут и там направляют в жизненную тривиальность, — в тривиальность, которая постепенно становится сущностью жизни. Подобным вещам можно противодействовать только через настоящих теософов, которые всецело являются ими и которые поэтому становятся аккумуляторами астральных сил, способствуя тем самым оздоровлению мышления и восприятия. Я знаю, что каждая мысль, даже если она остаётся невысказанной, но движется в теософском направлении, является силой, которая именно *в настоящее* время многое значит. Без племени истинных теософов, которые, прилежно медитируя, улучшают карму современности, теософское учение оставалось бы лишь проповедью для полуглухих.

Вполне вероятно, что в субботу ранним утром я буду в Шлактензее, так что письма, которые поступят только тогда, меня не застанут.

Сегодня вечером теософский кружок у госпожи Любке.

В верности и братстве,
твой Р. Шт.

Госпожа Любке: Хелена Любке (Helene Lübke), урождённая фон Блесцинска (Bleszynska, 1859–1916), жена умершего в 1893 году историка искусства Вильгельма Любке (Wilhelm Lübke), член Теософского об-

щества в Лондоне, с 1902/03 также член немецкой секции. В 1903/04 жила в Веймаре, где в апреле 1903 организовала три открытые лекции Рудольфа Штайнера и основала Веймарскую ветвь. В 1905 году переехала в Эльберфельд и организовала также и там лекции Рудольфа Штайнера. В 1906 году вернулась в Англию.

господин фон Хеннинг: Хорст фон Хеннинг (Horst von Henning, ум. 1943), веймарский друг Рудольфа Штайнера, с 1895 года член Теософского общества, позднее председатель Веймарской ветви.

Шлараффии: Немецкое общество, с середины девятнадцатого столетия распространившееся по всему миру. Лит.: О. Р. Циммер, «Шлараффия» (O. R. Zimmer, «Schlaraffia», 1926).

Шлахтензее: В январе 1903 года правление немецкой секции переехало с Кайзер-Фридрихштрассе, 54а (Шарлоттенбург) на Зеештрассе, 40 (Шлахтензее), а в октябре 1903 — на Моцштрассе, 17, Берлин W¹⁹.

6. Марии фон Сиверс в Шлахтензее (Берлин)
Четверг, 16 апреля 1903, другая редакция

Веймар, 16 апреля 1903

Дорогая моя верная сестра! Итак, первая лекция прочитана. Слушателей было довольно много. Часто мне казалось, что я должен искать тебя в аудитории. — Я, кстати, сразу увидел, что для Веймара должен буду кое-что в лекции сказать по-другому. Сопротивления хватает и здесь. Госпожа Любке работает самоотверженно. Всё здесь было устроено самым прекрасным и наилучшим образом. По делам госпожи Любке заметно, что она пять лет провела в Англии, — у источника. Её поступки отмечены благородством. — Конечно, я постоянно приобретаю, особенно в других городах, новый важный опыт в отношении способа работы. Я надеюсь, мы продвинемся вперёд, когда я подвергну его тщательной обработке и использую в деле. Действуя вдвоём совместно, *мы можем* надеяться чего-то достичь в Гер-

¹⁹ Литера «W» в берлинских адресах означает «Запад». — *Прим. пер.*

мании. Мы вместе даже тогда, когда пространственно находимся не рядом друг с другом. — Вторую лекцию я сделаю более общедоступной, чем это было в Берлине. В маленьком Веймаре, кажется, пока ещё слишком мало разбираются в *эволюции* и естественных науках, несмотря на то что Геккель работает в университете в соседнем городе. Вчера после лекции господин ф. Хеннинг затащил меня к шлараффенам, членом общества которых он является. Это была жертва; но я хотел её принести, так как об этом также просил редактор местной газеты «Германия», а было бы нежелательно, чтобы газеты здесь, где они имеют большее влияние, чем в Берлине, с самого начала негативно относились к теософии. Но я снова мог получить опыт *sub specie universi*²⁰. Прежде я никогда не был на заседании Шлараффии. Это нечто такое, к чему её члены привязаны, как к жизненному нерву. Вчера «канцлер» выступил с речью, в которой он сказал: кто однажды был шлараффеном и потом был вынужден перестать им быть, тот почувствовал себя оторванным от источника жизни. Эта Шлараффия распространена во всей Центральной Европе и везде имеет своих членов, которые делятся по достоинству на «пилигримов», «юнкеров», «рыцарей» и «превосходительств». Существуют ли ещё более высокие степени — тайна, в которую я пока не проник. Однако ныне основа всего общества — тривиальность. Больно слушать речи, которые произносятся там на особом диалекте шлараффенов. Опыт показал мне, что подобное существует и что тысячи людей в Германии и Австрии видят в Шлараффии нечто такое, где они ищут для себя лучшее. Нечто подобное стоит увидеть, чтобы знать, что живёт в душах как стремления, которые уводят от направления к высшему, духовному. Иначе часто совсем не знаешь, где находится исходная точка определённых астральных вибраций, которые противостоят с силой и чьё происхождение следует искать *под* поверхностью нашего социального бытия. В таких местах скапливаются силы, противостоящие теософии; они ведут свою игру под самыми удивительными масками. Особенно их можно узнать как льстецов, которые со своим совершенно особым, интимным языком пробираются в человеческие души. «Превосходительство» сидит на «троне», с одной стороны от него — «канцлер»,

²⁰ С точки зрения универсума (лат.). — *Прим. пер.*

с другой — «маршал». Люди носят головные уборы, которые символически выражают достоинство. Они зовутся именами, которые совершенно отделены от всего «профанного». Весь «зиппунг»²¹ проводится в церемониальных формах. Необходимо знать магическое действие всякой церемонии, если хочешь увидеть определённую власть этих «зиппунгов» над людьми. Многие из вещей, противостоящих нам в нашем устремлении, ведут, если проследить их нити, в такие или подобные им места, ускользающие от обычного наблюдателя. Люди, сидящие перед нами, часто довольно мало с нами, потому что ими дирижируют силы, которые правят тут и там. Подобным вещам можно противодействовать только через настоящих теософов, которые всецело являются ими и которые поэтому представляют собой аккумуляторы астральных сил, улучшающих восприятие и чувствование. Я знаю, что каждая, пусть даже и невысказанная, мысль, если она движется в теософском направлении, является силой, которая в настоящее время многое значит. Без ядра, состоящего из истинных теософов, которые, прилежно медитируя, улучшают карму современности, теософское учение оставалось бы лишь проповедью для полуглухих.

В верности и братстве,
твой Р. Шт.

7. Марии фон Сиверс в Шлахтензее (Берлин)
Суббота, 18 апреля 1903

Веймар, 18 апреля 1903

Дорогая моя верная сестра! Вторая лекция также прочитана. Слушателей было больше, чем на первой. Исходя из всего, что в отношении нашего дела переживаю *здесь*, я могу надеяться, что мы пробьёмся, если будем иметь выдержку и силу убежде-

²¹ Sippung — очевидно, искажённый вариант немецкого Sitzung (заседание). — *Прим. пер.*

ния. Выдержку мы иметь *должны*, силу убеждения мы иметь *будем*, если будем следовать принципам *только внутренней* необходимости. Самая сердечная благодарность за твоё письмо. Мне очень жаль, что ты измучена внешним до такой степени, что плохо себя чувствуешь. — Затруднения, которые принесли тебе старые листы, в самом неотдалённом времени полностью рассеются. Их нужно преодолеть. Ибо они лежат на пути, когда наука мозга превращается в мудрость сердца, и через это дух должен становиться всё более живым. Тебе нужно учитывать, что не только диаграммы и рисунки, но также и представления и идеи являются всего лишь *символами*. Всё это является только входными воротами к духу. Ты найдёшь проход, потому что ты предназначена к этому. Конечно, это влечёт для тебя и необходимость искать этот проход.

О том, в каком ключе хочет работать здесь Дайнхард, даёт представление написанное Хюббе-Шляйденем в только что пришедшем письме. Опять то же самое: не теософия и не Теософское общество. Снова напоминание: я должен делать *не что иное*, как издавать журнал *без* ссылки на то и другое. *То, что* мы вообще что-то предпринимаем, полностью противоречит мнению этих господ. Теперь, если бы мы действовали в их духе, основание немецкой секции стало бы фарсом; мы вероломно действовали бы против всех наших обещаний, и среди немцев теософия была бы лишена каких бы то ни было перспектив. Примечательно, что тормоза должны были сработать в то время, когда нужна сила для дальнейшего действия; что совершенно пустая болтовня этих господ, мешая, встаёт поперёк пути, на котором всё, за исключением этой болтовни, даёт основания для надежды. Госпожа Любке работает здесь самоотверженно, и в то же самое время старые немецкие теософы призывают к бездействию. Долго ли это ещё будет продолжаться!

Теперь нам придётся делать всё с непоколебимостью, даже рискуя тем, что эти старые теософы покинут нас. — Ты понимаешь меня; и это даёт мне силы, это освобождает мне крылья.

В верности и братстве,
Р. Шт.

Дайнхард: Людвиг Дайнхард (Ludwig Deinhard, 1847–1917), промышленник, друг и меценат Хюббе-Шляйдена, в марте 1894 года основал ветвь Европейской секции Теософского общества, деятельность которой, однако, вскоре сошла на нет. В 1902 году, когда основывалась немецкая секция, эта ветвь, состоящая всего лишь из семи человек, была реактивирована, но, действуя в духе Хюббе-Шляйдена, практически сразу снова замерла.

даёт представление написанное Хюббе-Шляйденом в только что пришедшем письме: «...Я придерживаюсь другого мнения, чем Вы, только в отношении намерения и цели теософского движения. Вы и все другие сегодняшние представители хотите извлечь из этого движения для себя и как можно большего числа других отдельных личностей духовную выгоду и преимущество. <...> Первым предварительным условием для достижения этой цели мне видится то, что мы даём нашей культуре только духовное содержание нашего познания и нашего стремления, но при этом мы должны пока полностью избегать слов „теософия“ и „Теософское общество“» (письмо от 17 апреля 1903 года). Рудольф Штайнер написал на полях: «Это как раз основная ложная предпосылка, которая порождает все недоразумения. *Не* выгода и *не преимущество*, но необходимое исполнение чётко осознанной кармы!!! Для меня разница стала ясна, когда я увидел, что в Берлине мои указания на это, предназначенные для посвящённых, упали на неблагоприятную почву и были поняты только госпожой ф. Сиверс».

8. Рудольфу Штайнеру в Веймар
Суббота, 18 апреля 1903

Шлахтензее, 18/IV 03

Теперь ты будешь атакован Дайнхардом. Я шлю тебе только что вышедший последний номер «Вахана». В нём есть кое-что интересное. Бреш улучшается на глазах. Он сдержан и твёрд, и несколько намёков на Хюббе-Шляйдена как правильные, так и уместны. Нельзя предоставлять Хюббе-Шляйденоу главную роль.

1903

Дайнхард определённо напуган твоим продвижением и заморочил голову нашей бедной госпоже Кароле Майне, так как она мне не отвечает. Ты должен сказать ему, чтобы он оставил её в покое.

Из того же сообщения я делаю вывод, что Олкотт находится в Европе. Он выехал пятого марта, значит, он уже здесь. Возможно, при его преклонном возрасте, в последний раз. Мы должны его увидеть, не так ли? Может быть, он приедет к нам. Совершенно не важно, если Хюббе-Шляйден и Дайнхард будут противиться этому. Это могло бы быть санкционировано нашей новоиспечённой секцией через почётного и первого президента. В свою очередь, это стало бы глотком свежего воздуха и стимулом для членов секции. Лучше всего было бы, если бы он пробыл так долго, чтобы мог приехать на ежегодное празднование и быть моим гостем в Берлине. Если, однако, он должен будет уехать раньше, то можно было бы объявить лекционный вечер и на лето, вы оба могли бы выступить там вместе, и день или два он мог бы пожить на Шлахтензее. Если же он всего этого не сможет, то, вероятно, было бы хорошо, если бы мы отправились в Лондон, и причём лучше сейчас, чем к собранию.

Я постараюсь выяснить подробности в ближайшее время. Больше всего мне хотелось бы сразу послать ему несколько ответственных слов, в том числе и от твоего имени, и выразить надежду увидеть его ступающим на суровую немецкую землю. Сделать ли мне это?

И, если можешь, дай мне знать возможно быстрее о содержании твоих переговоров с Дайнхардом, чтобы я была осведомлена в отношении Каролы.

Сегодня со мной впервые случилось так, будто я немного глубже пережила суть медитации, что эта суть является более творческой, чем происходящее при размышлении, молитве, ощущении. Я хотела это также зафиксировать, но пришло время утренней работы, а теперь письма, и я боюсь, что это улетучится. Ты, конечно, скажешь: тебе следовало бы всё же сделать это. Но тогда опять-таки не было бы должного душевного покоя, этого основного условия, — из-за несделанного.

Кстати, сегодня особенно отчётливо, в том числе и в медитации, перед моим взором встало, что моим главным препятст-

вием был беспорядок. Он также порождал во мне повышенное чувство спешки и угрызения совести, и поэтому всё несделанное и заброшенное в повседневной жизни постоянно вторгалось в сакральные и ментальные образы. В этом глубинная причина моего медленного продвижения вперёд, и пока этот порок не будет решительно искоренён, дело хорошо не пойдёт. Начинать надо с мелочей.

Теперь ты в курсе моего только что достигнутого прозрения.

И тысяча раз спасибо тебе, тебе — доброму, самому лучшему, за море света, что ты даруешь мне, и за твою духовную поддержку.

Как твои дела?
Мария.

Если нам придётся пойти, или даже мне одной, я бы хотела выбрать для этого восьмое мая, день смерти госпожи Блаватской. В прошлом году я очень сожалела, что не могла быть там, и поскольку даже в этом году мы ещё не можем провести его основательно, я хотела бы это наверстать.

Подумай обо всём этом, когда подробнее ознакомишься с условиями своего лекционного турне, в особенности что касается Мюнхена. Не хочешь ли ты предложить заодно и Дайнхарду выступить с речью в Ганновере, — ты, конечно.

«Вахана»: Теософский журнал, с 1899 по 1906 год издаваемый в Лейпциге Рихардом Брешем.

госпоже Кароле Майне: Карола Майне (Carola Mayne), урождённая графиня Топор-Моравицки (Topor-Morawitzky, 1846–1907/08), с марта 1903 года член общества в Берлинской ветви. Мария фон Сиверс пригласила её для организации лекций Рудольфа Штайнера в Мюнхене, так как Дайнхард, который фактически отвечал за Мюнхен, выступал тогда против любой публичной теософской деятельности, как это явствует, например, из его письма к Марии фон Сиверс от 13 мая 1903 года: «Я хотел бы для начала по-дружески попросить вас: будьте любезны впредь обращаться *ко мне*, когда речь будет идти о каких-либо

вещах, касающихся Теософского общества. Господин Беккер практически не знаком с положением дел в теософском движении, и ещё меньше — миссис Майне, живущая в Пазинге германо-американка, которая, к сожалению, *абсолютно глуха* и к тому же обладает той неприятной чертой, что своими наивными письмами она постоянно вносит сумятицу. — Когда я недавно встретил д-ра Штайнера в Веймаре, то решительно попросил его обращаться именно ко мне по поводу любых лекций, которые он хотел бы прочитать здесь. Полагаю, что как старейший член Теософского общества и как тот, кто внёс наибольший вклад в распространение теософских идей в Мюнхене, я могу ожидать этого. Я обратил внимание д-ра Штайнера на то, что интерес к лекциям в данное время года чрезвычайно низок. Поэтому я определённо не рекомендую стремиться прочитать здесь публичную лекцию сейчас или в течение лета».

Олкотт... моим гостем в Берлине: Не было реализовано.

лучше сейчас, чем к собранию: Однако они поехали только на ежегодное собрание британской секции Теософского общества в Лондоне (с 3 по 5 июля 1903 года).

9. Марии фон Сиверс в Шлахтензее (Берлин)
Воскресенье, 19 апреля 1903

Веймар, 19 апреля 1903

Дорогая моя верная сестра! Дайнхард до сего момента ещё не давал о себе знать. Так что он, вероятно, объявится только сегодня. Вчера здесь была учреждена ложа Веймарской ветви. Кроме прочитанных мною двух лекций состоялись также ещё две — с теми, кто присоединился, — в более узком кругу. — То, что наше присутствие в Лондоне в ближайшее время будет необходимо, я чувствовал уже давно. Теперь, поскольку Олкотт находится в Европе, это, видимо, неизбежно. Но, дорогая верная сестра: в связи с этим мы должны всё основательно обдумать и определить подходящее время. Ибо — я полагаю, что могу сказать тебе, — ближайшее время не принесёт нам ничего незначительного. Сейчас нам *ни в чём* не позволяют следовать нашим *послед-*

дующим импульсам. То, что ты мне сейчас прислала, — я имею в виду «Вахан» — это только симптом. Есть много того, что работает против нас. А у Бреша в данный момент есть настоящее чутьё. То, что он говорит, именно сейчас, пожалуй, важнее, чем то, что осознаёт сам пишущий. Кстати, очень вероятно, что во вторник я поеду в Берлин через Лейпциг. Видится пока, что я *должен* поговорить с Брешем. — Так что, когда я снова буду у тебя, мы спокойно обсудим всё, что касается присутствия Олкотта. Госпожа Любке, которая благодаря трёхлетней совместной работе с лондонскими теософами научилась совершенно иному взгляду, чем у старых членов общества в Германии, ещё позавчера подтвердила мою правоту, когда я указал на важность *личного* сближения с Олкоттом в настоящее время. Сейчас я ощущаю правильным то, что мы начали делать. Важно не то, сколько мы достигнем тут или там в первом подходе, но делаем ли мы то необходимое, что обусловлено кармой времени. Когда я прибуду в Берлин, три моих лекции должны быть уже напечатаны. И для «Люцифера», пожалуй, нет более подходящего времени, чем то, когда он как раз и появится. — Что беседа Дайнхарда со мной не должна иметь значения, если мы хотим двигаться вперёд, с этим ты, безусловно, согласишься. И важным для меня будет отнюдь не то, что он говорит, а то, чего он не говорит. Также и в последнем письме Хюббе-Шляйдена самое важное заключается в том, чего в этом письме вовсе нет. В ближайшие дни я поговорю с тобой о различных вещах, которые сделают для тебя многое более понятным. На сегодня только один ориентир: мы сохраняем верность; *и даже при тех или иных недоразумениях, которые могут возникнуть в ближайшее время*, мы делаем *всё* в полной верности и преданности намерениям миссис Безант.

То, что ты рассказываешь о твоей медитации, радует меня. Я знаю, ты достигнешь большего. И я знаю также, что тобой руководят лучшие силы. Так что продолжай. Так трогательно, что ты мне тоже написала вчера, так что сегодня утром я получил твоё письмо. Для меня Веймар имеет теперь по-настоящему двойное лицо. Ты знаешь, что я неоднократно говорил тебе о моём ощущении некоторых «неправд». Я пробыл в Веймаре семь лет, и видно, что и сегодня здесь из всех углов выползают

«призраки» тех самых «неправд». Слишком много личного связано с моими отношениями в Веймаре.

В верности и братстве,
Р. Шт.

три моих лекции должны быть уже напечатаны: Первое публичное представление содержания теософии («Теософия и развитие религий», «Основные теософские учения», «Теософия и научный дух современности») в марте и апреле в Берлине, с последующим повторением в Веймаре. По неизвестным причинам печать осуществлена не была.

«Люцифера»: Издаваемый Рудольфом Штайнером «Журнал для душевной жизни и духовной культуры, или Теософия», первый номер которого вышел 1 июня 1903 года, с января 1904 объединился с венским журналом «Гнозис» и стал называться «Люцифер-Гнозис».

Я пробыл в Веймаре семь лет: Большое количество писем Рудольфа Штайнера, относящихся к этому периоду, представлено в томе «Письма II», GA 39.

10. Марии фон Сиверс в Берлин
Суббота, 21 ноября 1903

Веймар, 21 ноября 1903

Дорогая моя верная сестра,

я очень хотел ещё вчера отправить тебе короткое приветствие, но время перед лекцией было заполнено. Сегодня я получил твои дорогие строки. Они всецело ты. Ты вовсе не должна думать, что я хотя бы в малейшей степени недооцениваю ту черту в тебе, которая свела нас вместе. Для нас ведь общая цель — одна из тех руководящих сил, которым мы оба должны «покорствоваться», — в верном, нерушимом братстве по оружию. *Общность веры* — это позитивная сила, которая действует на нас подобно магниту, и эту *силу общей веры* ты принесла мне через твою

способность понимания; и мы должны нести это *навстречу* друг другу.

Итак, вчерашняя лекция позади. Перед этим я был с госпожой Любке у Прозоров. Вечером я мельком увидел также и их сына. Вчерашняя лекция была посвящена «паломничеству души». В первой части речь шла о тройственном становлении человека: лунно-камическая эпоха: формирование манасо-камической души (первая и вторая расы) и эпоха воплощения индивидуального человеческого духа (начиная с третьей расы). Затем, во второй части, пути следовали через физический, камический и деваханический миры. Я попытался охарактеризовать земное преобразование человеческого существа как странствие через различные жизненные станции (реинкарнации), «дома», и затем подчеркнул, что в начале и в конце находятся храмы; в начальном храме заключена загадка человеческой жизни, в конечном заключено «слово-решение», а «дома» между ними содержат отдельные буквы, которые в конце концов и составляют это «слово-решение».

Сегодня вечером соберётся небольшой круг. А затем я уезжаю в Кёльн, где хотел бы быть завтра в 9 часов. Ты пишешь о портьере, которую хочешь повесить у моей двери. Я не думаю, что тебе следует делать это сейчас. Я скажу тебе при встрече, почему именно не могу считать сейчас хорошей идеей накопление нового воспламеняющего вещества. Верь, моя любимая, как верю я, что мы преодолеем трудности, — именно в том случае, если не будем провоцировать их и во внешнем. Не пойми меня неправильно и не усматривай в этом малодушие или отсутствия желания внести ясность. Но ясность здесь наступит скорее, если даже в этом случае мы «разучимся ранить». В Новом Завете есть слова, много говорящие сердцу: «Сопротивляйся, не причиняя боли». (Немецкий перевод содержит здесь, конечно, нонсенс: не противься злу). И даже если не мы являемся *источником* «причинения боли», то это всё-таки может *произойти* через нас. Мы должны делать всё необходимое в этом направлении, и лучше сделать на один шаг меньше, чем сделать лишний шаг (заметь, в *этом* направлении). Так что оставим думать о портьере, которая к тому же не особенно многое сможет улучшить, физически удерживая запах с кухни и психологически повышая градус.

Будь здоровой, дорогая моя верная сестра, заглядывай иногда в свои бумаги и продолжай медитации, как мы это обсуждали.

Всецело тебе преданный,
Рудольф.

одна из тех руководящих сил: См. примечание к письму №20.

Прозоров: Граф Маврикий Эдуардович Прозор (1849–1928), известный как переводчик драм Ибсена на французский язык, — российский дипломат, который в тот период находился при веймарском дворе. Его жена Марта, дочь Эльза и сын Маврикий были или впоследствии стали членами Теософского общества.

В апреле этого года делается, пожалуй, самый важный шаг за пределы Берлина, благодаря которому закладывается основа для плодотворного развития важнейших, наряду с Берлином, центров антропософской работы в Германии — в Мюнхене и Штутгарте. Профессор Оскар Больц осенью 1903 года основал в Штутгарте самостоятельное «Теософское общество в Южной Германии» и в январе 1904 даже попытался сделать из него южно-немецкую секцию. Адольф Аренсон обратился за помощью к Рудольфу Штайнеру, надеясь, что личное вмешательство последнего поможет предотвратить раскол. Поэтому в своём письме от 17 марта он с радостью приветствовал намерение Рудольфа Штайнера в апреле приехать в Штутгарт. (Группа людей, собравшихся вокруг Больца, сформирует затем в феврале 1905 года вторую штутгартскую ветвь немецкой секции.) — В Мюнхене работа ветви сошла практически на нет, ответственный за неё Людвиг Дайнхард сопротивлялся любой инициативе, исходящей из Берлина. Но наряду с этим там существовало несколько теософских групп, которые находились в свободной связи с обществом Гартмана-Бёме в Лейпциге. Самой большой из них руководила баронесса Вангенхайм, которая перенесла тогда свою резиденцию из Мюнхена в Саксен-Кобург. В состав этой группы входили также Софи Штинде и графиня Паулина Калькройт. Рудольфа Штайнера приглашают выступить также и там, — вероятно, благодаря посредничеству Альфреда Меебольда. Это приводит к тому, что в конце апреля, после его второго посещения на обратном пути из Лугано, собирается большая конференция всех мюнхенских теософов, на которой появляется даже графиня Брокдорф из Мерано. Девятого мая баронесса Вангенхайм пишет Рудольфу Штайнеру: «Итак, моё длительное пребывание в Мюнхене всё же привело к положительному результату, а именно к объединению различных кругов в „ложу“, связанную с Адьяром, через Вас. <...> Я рада всем сердцем, что мы готовы официально присоединиться к Вам, которого не только я, но и другие вместе со мной признали как духовного родича и полюбили. Это должно быть для Вас знаком того, как глубоко воздействовало на нас

всё Ваше существо! С дружеской теплотой я держу Вашу руку в своей и надеюсь на скорую встречу. С сердечным приветом госпоже фон Сиверс и Вам — от Вашей Г. А. Вангенхайм».

В начале июня выходит книга Рудольфа Штайнера «Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и определение человека» (GA 9), а в июньском выпуске «Люцифера» появляется также первая глава будущей книги «Как достигают познаний высших миров?» (GA 10). Так постепенно появляется самобытная литература, и это делает возможным многими приветствуемый отход от индийско-теософского способа представления.

В мае Рудольф Штайнер и Мария фон Сиверс посещают Лондон, чтобы договориться с Анни Безант об учреждении «Эзотерической школы». Декретом от 10 мая Рудольф Штайнер назначается «Главным хранителем Эзотерической школы в Германии и Австрийской империи», и во второй половине года создание Эзотерической школы начинается (GA 264, 266). — В июне они оба принимают участие в первом ежегодном конгрессе Федерации европейских секций в Амстердаме. Там также присутствуют Софи Штинде и графиня Паулина Калькройт из Мюнхена, Матильда Шолль из Кёльна и другие. — В сентябре они сопровождают Анни Безант в лекционной поездке по немецким ветвям.

На генеральном собрании немецкой секции в октябре сообщается об увеличении числа состоящих в ней членов общества со ста тридцати до двухсот пятидесяти одного и об основании четырёх новых ветвей: в Кёльне, Нюрнберге, Мюнхене и Дрездене.

11. Марии фон Сиверс в Берлин
Пятница, 8 апреля 1904

Штутгарт, 8 апреля 1904

Дорогая Мария!

Я был очень доволен, когда услышал о твоём решении поехать в Лугано всё-таки вместе. Я надеюсь, что к тому дню, когда мы снова увидимся, будет всё же проделана некоторая часть теософской работы. Здесь у нас вчера состоялось собрание ветви, которое, насколько я могу чувствовать, прошло благоприятно. Итак, сегодня вечером лекция. В последнее время здесь тоже возникало много разногласий, и я буду рад, если по отбытии смогу сказать себе, что в чём-то способствовал единению.

Дочка Аренсона в ближайшие дни уезжает в Берн (Швейцария), и я хотел бы попросить тебя прислать Аренсону адреса наших бернских теософов. Он хочет, чтобы его дочь завязала там теософские знакомства. Сделай это, потому что вся семья Аренсонов действительно *очень* предана движению. В воскресенье я переезжаю в Мюнхен. Я буду жить там в отеле «*Deutscher Kaiser*» (у вокзала). Дайнхард написал мне сюда, и тоже посоветовал этот отель.

Время здесь очень заполнено; и я должен писать тебе это письмо в утренний час, потому что позже мне, вероятно, не оставят на это времени. Пока я ещё не показывался. Одновременно с этим письмом я отправляю небольшие сообщения Брешу.

Кроме того, завтра ты получишь письмо с некоторыми поручениями для «Люцифера» и прочего.

Для меня очень дорого то, как ты дала воздействовать на себя двум нашим последним эзотерическим урокам. Поверь мне, моя дорогая Мария, ты продвигаешься вперёд быстрее, чем, наверно, сама можешь это заметить. Я думаю о тебе с любовью, и все виды сближения являются для нас лишь подтверждением нашей глубокой *духовной* связи. Ты для меня та жрица, какой предстала мне, когда я узнал твою индивидуальность. Я почитаю тебя в чистоте твоей души, и только поэтому смею быть предан тебе. Мы вместе потому, что внутренне принадлежим друг другу, и мы всегда будем вправе быть вместе так, как это есть, когда осознаём, что наши личные отношения погружены

в святое служение эволюции духа. Я знаю, что не дано наступить такому моменту, когда эта святость могла бы быть нарушена и в малой степени.

Не перегружай себя в эти дни. Я надеюсь в среду найти тебя здоровой.

Больше я сегодня, скорее всего, не смогу писать. Потому что меня уже ожидают. — То, что я живу в Мюнхене в отеле, это даже лучше, потому что ещё не у всех есть тот уклад, который ты так прекрасно поддерживала, когда Анни Безант жила у тебя.

Тебе известно, что отсутствие чрезмерной опеки вовсе не вредит гостеприимству. Но нужно принимать людей такими, какие они есть, даже когда они из лучших побуждений излишне заботливы. Ты знаешь, что это не жалоба, ведь Аренсоны действительно преданы делу.

Преданный всегда и во всём,
твой Рудольф

поехать в Лугано всё-таки вместе: В середине апреля Рудольф Штайнер и Мария фон Сиверс по приглашению Гюнтера Вагнера посетили ветвь в Лугано.

Аренсона: Адольф Аренсон (Adolf Arenson, 1855–1936) и его жена Дебора (Debora, 1862–1937), урождённая Мельдола (Meldola), члены общества с 1902 и 1903 годов соответственно. Адольф Аренсон, с 1904 года член правления Немецкой секции, в 1905 году совместно с Карлом Унгером основал отдельную ветвь «Штутгарт III», — специально для изучения работ Рудольфа Штайнера; помимо прочего сочинил музыку к мюнхенским мистериям-драмам. — Под дочкой, вероятно, подразумевалась старшая дочь Кларита, которая позднее вышла замуж за Ойгена Бенкендёрфера.

небольшие сообщения: относится к рубрике «Небольшие сообщения НТО» в «Вахане», где появлялись сообщения Берлинской ветви.

двум нашим последним эзотерическим урокам: как следует из письма №20, по понедельникам Мария фон Сиверс получала индивидуальные эзотерические уроки.

когда Анни Безант жила у тебя: В октябре 1902 года.

12. Рудольфу Штайнеру в Штутгарт
Пятница, 8 апреля 1904, из Берлина

8/IV 04

Я ответила на письмо швейцарского господина. Я вообще призываю наших пятерых швейцарских членов общества собраться в Цюрихе в среду вечером, чтобы поприветствовать тебя, — и говорю им, что если они соберутся все вместе, то ты, возможно, проведёшь с ними и четверг. В качестве адреса я даю им адрес д-ра Гизи (Бёрзенштрассе, 11), так как пока ещё не знаю про отель. За указанием такового я обратилась к господину Гизи, который, надеюсь, пришлёт мне информацию. Сообщи мне твой мюнхенский адрес, чтобы при необходимости я могла отправить телеграмму. Прилагаю то, что можно рассматривать как приглашение на конгресс во Флоренцию. — Вот письмо графа, которое, пожалуйста, сохрани для меня. Теперь я буду утешать его тем, что ты посетишь его во время осеннего путешествия в Инсбрук. Должна ли поездка Гартмана уже стать ответом на твоё разъяснение миссис Скотт? Возможно, она сообщила об этом принцессе.

Сюда приехали госпожа Пантениус из Пфальцбурга и д-р филос. Морк из Висбадена, который хочет познакомиться с тобой.

Печатные листы для федерации ты получишь в Мюнхене; сообщи, пожалуйста, *сколько и как* должно быть напечатано.

Побереги себя, не загоняй себя, — учись в чём-то отказывать людям.

Всецело твоя,
Мария

наших пятерых швейцарских членов общества: Рудольф Геринг-Крист из Ботмингена (Базель), в 1894 году вошедший в учредительное правление НТО в Берлине; Альфред Гизи (Цюрих); Вильгельм фон Мегерле (Ширмензее на Цюрихском озере); Жак Чуди (Гларус). Пятым, вероятно, был Пауль Буро.

д-ра Гизи: Д-р мед. Альфред Гизи (Alfred Gysi, 1864–1957), научный сотрудник стоматологического института в университете Цюриха, позднее профессор. Будучи членом ветви в Лугано, в 1902 году он также вступил в немецкую секцию. В 1908 стал сооснователем, а позднее председателем ветви Чокке в Цюрихе. В 1913 году он вместе с д-ром Эмилем Гроссхайнцем, Мари Шиб и Мари Хиртер-Вебер был в числе четырёх швейцарских членов общества, предоставивших землю под строительство здания Гётеанума в Дорнахе.

приглашение на конгресс во Флоренцию: Уведомление о третьем ежегодном собрании итальянской секции 17 и 18 апреля в сообщении её генерального секретаря Дечико Кальвари от 6 апреля.

письмо графа... путешествия в Инсбрук: Вероятно, граф и графиня Брокдорфы, прежние руководители Берлинской ветви, осенью 1902 года переехавшие в Мерано, до которого можно было легко добраться из Инсбрука по железной дороге через Бреннер. Однако письмо графа, относящееся к тому времени, не сохранилось. Состоялась ли обсуждаемая поездка в Инсбрук, неизвестно.

поездка Гартмана: Д-р Франц Гартман (Franz Hartmann, 1838–1912), сотрудник Е. П. Блаватской, основавший независимое от Адьяра «Теософское общество в Германии», не был формальным руководителем этого общества, но при этом являлся его духовным наставником (Spiritus rector), — также и после того, как обосновался во Флоренции. Подробности этой поездки неизвестны, за исключением того, что 24 мая 1904 года он выступил с лекцией в Лейпциге на собрании «Теософского общества в Германии».

разъяснение миссис Скотт: Джулия Скотт (Julia Scott), относившаяся к числу старых теософов, была лично знакома с Еленой Петровной Блаватской. Она приехала в Италию и руководила ложей во Флоренции в то время, когда Мария фон Сиверс работала в Болонье. Учредительное собрание итальянской секции состоялось 1 и 2 февраля 1902 года в Риме. Скорее всего, самое позднее в связи с этим событием состоялось знакомство Марии фон Сиверс и Джулии Скотт. Миссис Скотт была подписчицей журнала «Люцифер-Гнозис», и факт визита в Берлин в сентябре 1903 года, в ходе которого она познакомилась с Рудольфом Штайнером, подтверждается её письмом от 18 сентября 1903 года. — «Разъяснение», вероятно, относится к намерению Рудольфа Штайнера позаботиться о Южной Германии.

принцессе: Мария де Рохан (Maria de Rohan), урождённая графиня фон Дегенфельд (von Degenfeld, 1851–1924), из Флоренции. У неё были контакты со всеми теософскими группами; особенно часто её имя фигурирует в переписке Франца Гартмана. Она также патронировала женщин ордена Мемфис-Мицраим, в котором состоял и Франц Гартман (см. GA 265, стр. 86 нем. изд.). В августе 1911 стала членом ветви «Мюнхен I» немецкой секции.

д-р филос. Морк: Дитрих Морк (Dietrich Morck), с 1904 года член общества, в 1908 был секретарём при основании ветви в Висбадене.

Печатные листы для федерации: Немецкий текст программы первого конгресса Федерации европейских секций Теософского общества, состоявшегося в июне 1904 года в Амстердаме.

13. Марии фон Сиверс в Берлин
Понедельник, 11 апреля 1904

Мюнхен, 11 апреля 1904

Дорогая Мария!

Вот только сейчас появилась настоящая возможность написать тебе. Ты уже знаешь, что в Штутгарте всё прошло хорошо. Штутгартские члены общества сияли, когда увидели полный зал; и я, конечно, был рад возможности говорить о теософии перед полутысячной аудиторией. — Вчера сразу после моего приезда был вечер у баронессы Вангенхайм. Я должен был говорить о развитии христианской мистики. И я это сделал. После лекции слушатели сразу захотели, чтобы я выступил публично. И — Дайнхард теперь тоже этого хочет. Итак, всё идёт к тому, что я останусь ещё и на среду, и выступлю с публичной лекцией. Однако сейчас у меня есть сомнения. Баронесса Вангенхайм принесла жертвы раньше, когда тут был Бёме, и поэтому она опасалась, не потерпим ли мы фиаско с нашей лекцией перед столь разочарованной аудиторией, — так, что вообще никто не придёт. Теперь к среде всё будет делаться в спешке, а проведение устраиваемой на скорую руку лекции не кажется мне пра-

вильным. Плохая посещаемость возможна именно из-за спешки, и тогда организаторы могут растеряться. Поэтому — явившись на обед к Дайнхарду, я сразу скажу ему, что на обратном пути через Аугсбург могу поменять билет, и тогда появится другая возможность прочитать здесь публичную лекцию. В любом случае это было бы более разумно. Конечно, сразу после этого обеда тебе будет отправлена телеграмма.

Между тем, количество назначенных Дайнхардом на завтрашнее утро «разговоров с ревнителями теософии» увеличилось ещё на одну встречу. Как видишь, подобные вещи тоже нарастают. Но я не разрушаюсь; и мне кажется, что при нашей встрече ты не найдёшь меня обессиленным.

Я буду разрушаться тем меньше, чем больше пребывает со мной твоя добрая сила. Момент, когда я читаю твои письма, — это священный момент; и я знаю, что это так и должно быть.

Так что пусть всё идёт дальше. Посмотрим. Сегодня после обеда «беседа в узком кругу» у Дайнхарда. Вечером лекция у графини Калькройт.

Со всей сердечностью думаю о тебе, моя дорогая, и желаю тебе приехать в Цюрих здоровой.

Твой Рудольф

баронессы Вангенхайм: Гертруда Александрина фон Вангенхайм (Gertrud Alexandrine von Wangenheim, 1863–1958). После визита Рудольфа Штайнера направила усилия на объединение различных теософских групп Мюнхена в одну ветвь немецкой секции. Эта новая ветвь, в которую вошла также и старая ветвь Людвиг Дайнхарда, получила учредительные документы 6 июня 1904; председателем стала Роза фон Хофштеттен. Таким образом, и Софи Штинде, и графиня Паулина Калькройт в мае 1904 года стали членами немецкой секции.

Бёме: Эдвин Бёме (Edwin Böhm, 1877–1906), генеральный секретарь лейпцигского «Теософского общества в Германии», поводом к основанию которого послужили следующие события. В 1894 году, через три года после смерти Елены Петровны Блаватской, Генри Стил Олкотт и Анни Безант предприняли попытку исключить из Теософского общества Вильяма Квана Джаджа (1851–1896), являвшегося сооснователем

*Перед домом Вильгельма фон Мегерле.
Ширмензее на Цюрихском озере, апрель 1904 года
(первая совместная поездка в Швейцарию)*

и вице-президентом общества, а также генеральным секретарём американской секции. В знак протеста эта секция в 1895 году отделилась от общества Адьяра, и на её основе было создано самостоятельное «Теософское общество в Америке». К этому протесту присоединились различные группы также и за пределами Америки: так возникло «Теософское общество в Англии» и немецкое общество Франца Гартмана. Подробнее см.: Хелла Висбергер, «Эзотерическая образовательная деятельность Рудольфа Штайнера», глава VII (Hella Wiesberger, «Rudolf Steiners esoterische Lehrtätigkeit», Dornach 1997).

графини Калькройт: Паулина фон Калькройт (Pauline von Kalckreuth, 1856–1929), художница, с мая 1904 года член общества, позднее председатель ветви «Мюнхен I», с 1911 года также в правлении секции. В 1911 в качестве соучредителя вошла в правление Строительного союза. Вместе со своей подругой Софи Штинде участвовала в организации мюнхенских торжественных представлений в 1907 и в 1909–1913 гг.

Софи Штинде (Sophie Stinde, 1853–1915), художница, в мае 1904 года вместе с графиней Паулиной фон Калькройт участвовала в основании Мюнхенской ветви, которая во многом благодаря ей стала главным — наряду с Берлином — центром деятельности Рудольфа Штайнера. В 1904 году вошла в правление немецкой секции. В 1911 соучредитель и первый председатель Строительного союза.

желаю тебе приехать в Цюрих здоровой: Чтобы вместе поехать дальше в Лугано. Путь совместной обратной поездки снова пролегал через Мюнхен.

14. Марии фон Сиверс в Остзеебад Грааль Четверг, 25 августа 1904

Берлин, 25 августа 1904

Дорогая, «мир бесконечен; человеку необходимо постичь его в его символах». Это слова мистика Кардануса. Для меня символично было вчера, после восьми дней жизни на границе земли и воды, снова оказаться перенесённым в среду рабочих. Мне пришлось наблюдать астральные воды, замутнённые разнообразными личностями. Это подобно тому, как чистая озёрная вода проходит

через различные мутные слои горных пород. В таких вещах снова и снова переживаешь, что означает: обособленное бытие.

Это лишь намёки на то, что может быть ясно сказано лишь во многих словах. Однако из этих намёков ты можешь понять, что мне очень хотелось бы и дальше читать лекции в школе для рабочих. Но пропасть, возникающая между тем, что ещё возможно на этом месте, и тем, чему я должен учить, становится всё больше. Вчера потребовали, чтобы седьмого сентября я выступил на тему «исторический материализм» в качестве «ответа» на то, что на эту тему скажет Грунвальд, закоренелый социал-демократ. Это, конечно, невозможно. Я объяснил, что никак не могу стоять в одной программе, в один вечер с Грунвальдом. Но я бы пришёл на собрание и, *если* к тому возникнет повод, вступил бы в дискуссию. — Лекция Грунвальда предназначена для того, чтобы сформировать полюс, противоположный тому, чему учу я. Что я ещё мог в этом случае сделать, чтобы сохранить за собой школу, — это отказаться от лекции. Потому что через такое противопоставление те, кто не хотят подобного мне, получили бы лёгкую игру. Но я хотел бы именно в этом месте избежать всего, что могло бы привести к разрыву.

Этим, дорогая, я просто хотел обрисовать тебе ситуацию. Я только что из Потсдама, где мне сказали, что «Дети Люцифера» отправлены тебе на корректуру. А теперь только ещё одно приветствие, настолько сердечное, насколько позволяют прекрасные узы, связывающие нас.

Духовно тебе преданный,
Рудольф.

Приветы сестре и маме.

Кардануса: Иероним Кардано (Hieronymus Cardanus, 1501–1576), итальянский исследователь природы, философ (неоплатоник), врач и математик. Источник цитаты определить не удалось.

после восьми дней жизни на границе земли и воды: в Остзеебад Грааль.

школе для рабочих: С 1899 по 1904/05 Рудольф Штайнер преподавал в школе для рабочих, основанной Вильгельмом Либкнехтом. — Ср.: «Мой жизненный путь», глава 28; далее Й. Мюкке / А. Рудольф, «Воспоминания о Рудольфе Штайнере и его деятельности в школе для рабочих в Берлине в 1899–1904» (J. Mücke / A. Rudolph, «Erinnerungen an Rudolf Steiner und seine Wirksamkeit an der Arbeiter-Bildungsschule in Berlin 1899–1904», Basel 1955).

из Потсдама: В Потсдаме располагалась типография Хайнса Эрбена (Hauns Erben), в которой позднее печатались многие книги Философско-антропософского издательства.

«Дети Люцифера» отправлены тебе на корректуру: Речь идёт о вышедшем вскоре августовском номере «Люцифер-Гнозиса», где был также представлен выполненный Марией фон Сиверс немецкий перевод драмы Эдуарда Шюре «Дети Люцифера».

сестре: Ольга фон Сиверс (Olga von Sivers, 1874–1917), с 1902 года член общества, часто посещала Германию, играла в мистериях-драмах в Мюнхене. Умерла в 1917 году в Петербурге от инфекции, полученной во время работы в лазарете.

маме: Каролина фон Сиверс (Caroline von Sivers), урождённая Баум (Baum, 1834–1912), немка по происхождению, была замужем за немецко-балтийским генерал-лейтенантом Якобом фон Сиверсом, состоявшим на российской службе.

15. Марии фон Сиверс в Остзеебад Грааль
Суббота, 27 августа 1904

Берлин, 27 августа 1904

Любимейшая, ты не должна обо мне беспокоиться. За те несколько дней, о которых идёт речь, я всё же должен суметь закончить. Однако когда я смогу продвинуться вперёд: этого пока увидеть нельзя. Сейчас вечер субботы, и я только что приехал из Потсдама, где лишь сегодня смог прочесть последние корректуры к нынешним номерам «Люцифера». Печатник закончил сего-

дня в пять. Это означает, что набор закончен только что; и печать может начаться лишь теперь. Так что, наверное, скоро мне придётся поверить, что моё австрийское путешествие осуществится в духе милого твоего письма.

Сегодня я получил письмо от госпожи Шолль, полное тревоги по поводу приезда Кейтли вместе с миссис Безант. Похоже, она считает, что это не сулит ничего хорошего. Я тотчас же написал ей несколько строк о том, что она всё же должна быть беспристрастна и что на *эту* дипломатию *мы* дипломатией отвечать не должны. Я думаю, что поведение оккультиста в таких вещах трудно понять. Но в действительности речь не о том, чтобы ставить вопрос «что означает то или это?», а о том, чтобы опираясь на духовные силы, за нами стоящие, позволить волнам вокруг нас бушевать. В кризис Теософского общества, который когда-нибудь затронет и нас, однажды всё-таки придётся поверить. — *С тобой*, моя дорогая, я всегда буду чувствовать себя уверенно. Но ты должна быть со мной. Я часто говорил тебе об этом. Современность нуждается в душах, подобных твоей, с прекрасными мыслительными интенциями. «Стоять на собственных ногах» — вот наставление, которому мы должны следовать также в отношении теософского движения. Как бы неправильно нас ни понимали: за этим ничего нет; и мы ни в какой степени не должны оказаться сломленными.

Всё, что ты переслала, я получил. Фразу, которая тебе не нравится, я переформулировал ещё раз. И если сейчас она тебе по-прежнему не нравится, то для книжки её можно видоизменить ещё.

Так что ещё раз: оставайся, любимейшая, пока это не сделано. Представь себе, сегодня я даже пообедал в вегетарианском ресторане. И, возможно, сделаю это и завтра.

До использования ключика я пока не дошел. Потому что у меня ещё не было времени. Но если я всё-таки смогу уехать, ключ ты получишь в надлежащий момент.

Хубо не хочет ни одной из названных тем. Теперь я должен посоветовать ему, что делать. Миссис Безант прибывает тридцать первого числа через Гамбург. Он может спросить её, не хочет ли она в Гамбурге поговорить о чём-нибудь другом.

1904

Если бы только можно было сейчас сделать больше для расширения «Люцифера». По всему ясно видно (письма читателей и т. п.), что последние номера имели большой успех.

Студент философии, о котором ты пишешь, хочет, конечно, как лучше. Но у него будет мало единомышленников; и будет ли он по-прежнему думать так, когда станет однажды д-ром филос., это ещё вопрос. Какие горы препятствий нужно преодолеть нашему мировоззрению для проникновения в немецкие академические круги — этого не представляет тот, кто не очень глубоко знаком с этими кругами. Однако я готов откликнуться на интенции молодого человека.

Сердечно соединённый со своей любимой,
Рудольф

Приветы сестре и маме.

моё австрийское путешествие: Рудольф Штайнер старался каждый год навещать своих родственников в Хорне (Нижняя Австрия): отца Иоганна Штайнера (1829–1910), мать Франциску (урождённая Бли, Blie, 1834–1918), сестру Леопольдину (1864–1927), брата Густава (1866–1942).

госпожи Шолль: Матильда Шолль (Mathilde Scholl, 1868–1941), во время длительного пребывания в Италии в 1899 году стала членом Теософского общества. В октябре 1902 присутствовала на учредительном собрании немецкой секции в Берлине. С мая 1903 года жила в Кёльне и занималась организацией лекций Рудольфа Штайнера, что привело к созданию Кёльской ветви в феврале 1904. С октября 1903 состояла в правлении немецкой секции, с 1905 по 1914 издавала внутренний печатный орган общества, который назывался «Сообщения для членов немецкой секции Теософского общества» («Mitteilungen für die Mitglieder der deutschen Sektion der T. G.»). С 1914 года жила в Дорнахе.

приезда Кейтли вместе с миссис Безант: Во время своего пребывания в Лондоне в мае 1904 года Рудольф Штайнер пригласил Анни Безант в Германию с лекционной поездкой, которая состоялась в сентябре, в сопровождении Бертрама Кейтли и Эстер Брайт. Рудольф Штайнер и Мария фон Сиверс встретили Анни Безант в Гамбурге и также со-

проводжали её в течение всей поездки. Рудольф Штайнер передавал содержание англоязычных лекций на немецком языке.

кризис Теософского общества: Этот предвиденный Рудольфом Штайнером кризис начался со скандала с Ледбитером в 1906 году, усилился с избранием Анни Безант президентом после смерти Олкотта и, наконец, из-за аферы со «Звездой на Востоке» привёл на рубеже 1912/13 к исключению немецкой секции, осуществлённом Анни Безант. Подробнее см.: «К истории и содержанию первого отделения Эзотерической школы», GA 264; а также: Хелла Висбергер, «Эзотерическая образовательная деятельность Рудольфа Штайнера».

«Стоять на собственных ногах»: Учение из очень известной в то время книги английского теософа Мэйбл Коллинз «Свет на пути».

Хубо не хочет ни одной из названных тем: Анни Безант предложила для своих лекций в различных городах Германии четыре темы на выбор, но Бернхард Хубо с ними, по-видимому, не согласился.

Миссис Безант прибывает тридцать первого числа через Гамбург: На пути в турне по городам скандинавской секции, которое состоялось до поездки Анни Безант по Германии, начавшейся с лекции 15 сентября (снова в Гамбурге).

Студент философии: Людвиг Клееберг (Ludwig Kleeberg, 1880–1972), Кассель, который пытался реализовать проект создания теософского студенческого объединения. С июня 1905 года член общества в Мюнхенской ветви. — Ср.: Людвиг Клееберг, «Пути и слова. Воспоминания о Рудольфе Штайнере, из записных книжек и из писем» (Ludwig Kleeberg, «Wege und Worte. Erinnerungen an Rudolf Steiner aus Tagebüchern und aus Briefen», Stuttgart 1961).

16. Марии фон Сиверс в Берлин
Четверг, 24 ноября 1904

Мюнхен — Штутгарт, 24 ноября 1904

Дорогая Мария, я должен писать тебе в вагоне, иначе и в Штутгарте снова продолжится то, что происходило до сих пор. Вре-

мя, когда я собирался написать, всегда оказывалось занятым. Но ты же знаешь, что тебя окружают мои мысли. А меня сопровождают твои. Мы связаны внутренне, неразрывно.

До сих пор всё шло, пожалуй, хорошо. Сначала Нюрнберг. Прибыл, прочитал лекцию. После неё люди задавали много вопросов. Интерес был очень большим. На второй день у нас было много о чём поговорить с отдельными людьми. Госпожа Риссман продолжает интенсивно работать. Бедной приходится нелегко. Её муж очень далёк от всего этого. Во второй вечер с лекцией было так же, как и в первый. Хорошо, что всё больше естественнонаучно образованных людей приходит к духовному мировоззрению. Один врач в ходе дискуссии выступил довольно неплохо. В субботу в 10 часов утра я дал в ложе ещё один урок. Сразу после этого большая часть нюрнбергских теософов отправилась со мной на вокзал.

Фельднер ждал меня в Регенсбурге. Это город. Целиком окутанный римской жадной властью. Плотные облака этих воцелений держат здесь всех в оцепенении, которое ужасает. Местная религиозная газета даже отказала Фельднеру в размещении объявления. Более того, существовала опасность, что тамошние клерикальные круги своей шумихой сорвут лекцию. Когда много лет назад — а такое может повториться в Регенсбурге только спустя годы — один человек хотел выступить здесь, появились крепкие мужи из клерикальных кругов и подняли крик: подобного ты нам говорить не должен; для этого здесь есть наши священники. Так что перспективы были таковы. И Фельднер помог себе тем, что объявил: прийти сможет только тот, кто предварительно подаст письменную заявку на получение приглашительного билета. Это было хорошо. Пришло порядка тридцати человек. Очень внимательных. Очень деловых. Учителя гимназии, учителя реального училища, врачи. Перед этим у меня была небольшая встреча с Фельднерами, одним преподавателем из реального училища и одним врачом, затем вечерняя лекция.

Затем я замёрз в регенсбургском отеле, в котором хотя и останавливался однажды Карл Пятый, но нынче дела обстоят так плохо, что утром коридорный попросту сбежал, так как не мог вынести этого. Мне пришлось раздобыть здесь транспорт. Иначе,

несмотря на всю заботу Фельднера, я бы не смог приехать в Мюнхен вовремя.

Итак, в понедельник утром я прибыл в Мюнхен. Графиня Калькройт и госпожа Штинде встретили меня на вокзале. Днём были обсуждения. Затем вечером — первая лекция. У входа в зал уже стояли оба студента. Очень усердные. Очень хорошо. Я прочитал лекцию; она была дана на мистическом языке. После этого я не предоставил возможности для дискуссии. — Мне хотелось, чтобы в *этот* вечер продолжало сохраняться то настроение, на которое была рассчитана лекция.

На следующий день были конференции. Пришли также и студенты. Я говорил с ними долго и много. — Помимо этого я был у Дайнхарда. Затем вечером была лекция о том, находится ли теософия в противоречии с наукой. Потом была длинная дискуссия. Также я объявил там о теософском студенческом союзе, что было встречено с совершенно неожиданным интересом и аплодисментами со стороны публики. В среду с утра мне нужно было быть у баронессы Гумппенберг; затем благодаря теософским студентам я оказался у ректора Мюнхенского университета, затем у Хушке. Днём я посетил Шевич, которая пригласила определённый круг людей. Мне пришлось это сделать, так как здесь были очень одарённый естествоиспытатель *д-р Р. Франсе* и теолог *д-р Мюллер*. Это была одна из интереснейших дискуссий. Был развёрнут весь вопрос естествознания и теософии. Франсе мог лишь раз за разом повторять: «Я снова могу представить естественнонаучный аналог для того, о чём Вы говорите». Наконец, он удивил собрание тем, что сказал: мы стоим сегодня перед естественнонаучными загадками, которые могут быть решены только в теософском духе. Естествоиспытатель Фризе буквально на днях сказал в отношении этой проблемы: хочется сойти с ума от того языка, на котором для нас, материалистически мыслящих, говорит сейчас природа. — По-прежнему взволнованные, вечером в ложу пришли несколько людей, которые ещё поддерживают связь между нашей ложей и группой Шевич. Калькройт и Штинде не было. Их даже вообще не пригласили. Вечером, вчера, была встреча в ложе. Сначала я говорил о сущности «единения». Затем долго были вопросы и ответы. Сын графини Вахмайстер также был там. Кстати, он и в предыдущий

день был на лекции. Мегерле в Мюнхене, и был на всех лекциях.

Сегодня, всего два часа назад, обе дамы отвезли меня на вокзал. Теперь я сижу здесь, в вагоне. Снаружи снег по колено. Окна мутные. Все вспоминали о тебе с любовью. Дамы, Мегерле, а также студенты любят тебя, и все шлют тебе по-настоящему сердечные приветы. Мне так хорошо от этого.

Сердечно приветствую сестру и всех остальных. — О других вещах я напишу тебе, когда смогу писать на поверхности стола, а не держа на весу книгу. Теперь я должен обязательно позаботиться о том, чтобы не забыть галоши, которые графиня Калькройт дала мне в Мюнхене, возместив утрату твоих, которые продолжают путешествие в Регенсбурге. Они не захотели сообщить о себе при моей высадке и продолжили путешествовать без меня. Пусть у них будет больше преданности другим ногам.

От всего сердца,
твой Рудольф.

Госпожа Риссман: Минна Риссман (Minna Reißmann, ум. 1945), с 1903 года член общества, в 1904 секретарь при основании ветви Дюрера в Нюрнберге.

Фельднер: Якоб и Антони Фельднер (Jakob, Antonie Feldner), с октября 1905 года члены общества, в 1906 они основали Регенсбургский центр. «Центр» был предварительной ступенью к ветви, для основания которой было необходимо наличие семи участников.

Оба студента: Людвиг Клееберг и Ханс Бунге (Hans Bunge).

Хушке: Отто Хушке (Otto Huschke, 1846–1907), художник, с 1894 года член общества в Мюнхенской ветви.

Шевич: Хелена фон Шевич (Helene von Schewitsch), вдова Янко фон Раковицы (Janko von Rasowitza), урождённая фон Дённигес (von Dönniges, 1843–1911). У неё и её мужа был собственной теософский кружок, который не хотел присоединяться ни к немецкой секции, ни к кому-либо ещё.

Франсе: Д-р Рауль Хайнрих Франсе (Raoul Heinrich Francé, 1874–1943), директор биологического института в Мюнхене. Его сочинение «Чувственная жизнь растений» Рудольф Штайнер рассматривал в 1906 году в тридцать первом номере «Люцифер-Гнозиса» (ныне эта статья опубликована в GA 34).

теолог д-р Мюллер: Вероятно, д-р Йозеф Мюллер (Josef Müller) из Мюнхена, стоявший за пределами узких церковных кругов католический священник, издатель журнала «Ренессанс», в котором он представлял свободный католицизм.

Фризе: Хайнрих Фризе (Heinrich Friese), немецкий исследователь пчёл.

Сын графини Вахмайстер: Граф Аксель Вахмайстер (Axel Wachtmeister) из Швеции. Его мать Констанция Вахмайстер, урождённая де Бурбель (de Bourbel, 1838–1910), была близкой подругой Е. П. Блаватской.

Мегерле: Вильгельм фон Мегерле (Wilhelm von Megerle), художник, уже в 1902 году член общества в ветви в Лугано, жил в Штарнберге и в Ширмензее на Цюрихском озере, где Мария фон Сиверс и Рудольф Штайнер посетили его в ходе своей поездки в Лугано на Пасху 1904 года (см. фото на стр. 71).

обе дамы: Графиня Калькройт и Софи Штинде.

сестру: Ольга фон Сиверс.

17. Марии фон Сиверс в Берлин
Воскресенье, 27 ноября 1904

Франкфурт — Кёльн, 27 нояб. 1904

Моя дорогая Мария, снаружи на меня смотрит Рейн, в душе — мысли о тебе. Рейнские горы покрыты холодным снегом; мысли о тебе полны тепла. Иногда я поднимаю глаза от этого листа, чтобы дать им звучать друг в друге.

В Штутгарте меня ждали Аренсоны и госпожа д-р Паулюс. Последняя сразу же взяла меня в оборот, и довольно буквально.

Пришлось ехать к Паулюсам, причём мне ни в коем случае не было позволено отнести свои вещи к Аренсонам, у которых я ведь всё же должен был жить. Освободиться удалось лишь в половине пятого. Затем у Аренсонов были некоторые из наших штутгартских теософов. Затем мы отправились в ложу. После того, как я дал введение, были оживлённые вопросы о чём только возможно. На следующее утро мне пришлось ещё раз посетить Паулюсов, затем Оппеля. Штутгартцы хотят организовать в январе цикл из трёх лекций.

В пятницу в полдень я прибыл в Карлсруэ. В 4 часа Линдеманы устроили теософскую встречу, а вечером лекцию. Ложа там кажется готовой. Будет ли она развиваться! Линдеманы как раз интеллектуально не очень продвинуты. С этим всегда сложности. В пятницу вечером всё прошло довольно хорошо. Посмотрим, как пойдёт дальше. Присутствующий голландец, который принадлежит к голландской секции и сейчас является ассистентом в Технической высшей школе в Карлсруэ, предстаёт в самом лучшем свете. Благодаря тому, что он много спрашивал, случилось много хорошего. Также госпожа Келлер в определённом отношении является хорошим теософом, но она очень больна.

Только что я проехал через мост над Рейном возле Ланштайна.

Итак, вчера я был в Гейдельберге. Всё там несёт на себе отпечаток Гартмана-Бёме. Шваб серьёзен и ищет внутреннего развития. Из тех двоих, которые кроме него управляют делами в Гейдельберге, один — хороший человек, коммивояжёр, торгующий обувью; другой — музыкант, дилетант-философ, много говорящий, последнее особенно, кроме прочего и гомеопат.

Только что проехали через Эренбрайтштайн.

Люди хотят, чтобы я вернулся в Гейдельберг. Выйдет ли что-то из этого — вопрос. Одного студента я пригласил в академическое теософское объединение. Посмотрим, получится ли там что-нибудь.

Сегодня в 8 утра я выехал из Гейдельберга. В Майнц-Кастеле ко мне присоединился д-р Морг и ехал со мной до Рюдесхайма. Теперь приближается Кёльн.

Начиная с Регенсбурга всё путешествие было через снега. Вагон поезда и комната у графини Калькройт — самые хорошо отапливаемые места.

Всего самого сердечного,
Рудольф. —

Паулюс... Опделя: Адольф Мартин Оппель (Adolf Martin Oppel), художник и скульптор, во время основания немецкой секции в 1902 году был председателем Штутгартской ветви. В 1904 году передал этот пост д-ру мед. Францу Паулюсу (Franz Paulus, 1849–1919), который, однако, уже в 1906 году вместе со своей женой Дорис покинул Германию, а в 1912 году вышел из немецкой секции. Председательство взял на себя профессор Швенд.

Линдеманы: Людвиг Линдеман (Ludwig Lindemann, ум. 1911) и его жена Эрдвина (Erdwine, 1873–1956), с марта 1904 члены общества в Кёльнской ветви. В конце 1904 года Линдеман основал ветвь в Карлсруэ, в 1908 году в Палермо помог с основанием первой итальянской «Розенкрейцерской группы».

голландец: Дипломированный инженер Херманн Зибранд Халло (Hermann Sybrand Hallo, род. 1879), с мая 1910 член общества в ветви в Карлсруэ, осенью 1913 стал её председателем. С 1913 года внештатный профессор в Технической высшей школе в Карлсруэ, с апреля 1914 ординарный профессор в Делфте, где позднее руководил работой антропософской рабочей группы.

госпожа Келлер: Элизабет Келлер (Elisabeth Keller), с мая 1904 года член общества, участвовала в создании ветви в Карлсруэ в декабре 1904, позже работала в секретариате в Берлине (Моштрассе, 17).

отпечаток Гартмана-Бёме: Гейдельбергская группа принадлежала к так называемому «Интернациональному теософскому братству» (ИТБ), которое не было организованным объединением, но, скорее, свободным союзом самостоятельных обществ, объединений, кружков и других подобных групп. Руководство этим союзом осуществлялось, однако, из Лейпцига, чтобы была возможность знать друг о друге. Эти группы приглашали ораторов с лекциями, в особенности Гартмана и Бёме, но также и Рудольфа Штайнера. В октябре 1906 года Гейдельбергская

группа образовала ветвь немецкой секции с Фридрихом Швабом в качестве председателя и Хуго Хардером в качестве секретаря.

Шваб: Фридрих Шваб (Friedrich Schwab, 1878–1946), с марта 1906 года член общества в Гейдельберге. По совету Рудольфа Штайнера в 1912 году сдал экзамены, необходимые для поступления в университет, затем изучал медицину (д-р мед.), много лет практиковал в Берлине, также лечил Фридриха Риттельмайера.

18. Посвящение на экземпляре книги Мэйбл Коллинз «Свет на пути» (предположительно, издание 1904 года), принадлежавшем Марии фон Сиверс

*Suche nach dem Licht des Weges!
Doch suchst du vergebens, so oft
nicht selbst Licht wirst.*

R. St.

Ищи свет на пути! Но напрасно ты будешь искать, сам светом не став.

Р. Шт.

19. Заметка в записной книжке, 1904 год (архивный номер В422)

Testament.

Ich will, dass alles Marie v. Sivers
verfügt, was nach meinem Tode
zu verfügen ist. Sie hat alles zu
verfügen. Rudolf Steiner

Завещание

Я хочу, чтобы всем, что останется после моей смерти, распоряжалась Мария фон Сиверс. <...>

Рудольф Штайнер.

В январе Рудольф Штайнер завершает свою прежнюю основную деятельность — преподавание в школе для рабочих. Благодаря этому становится возможным усиление деятельности в Теософском обществе: если в прошлом году было предпринято семь больших и малых лекционных поездок, то в этом году — семнадцать. С этого момента Мария фон Сиверс всё чаще сопровождает Рудольфа Штайнера в поездках, чтобы снять с него часть связанной с этим нагрузки. — В феврале критика со стороны некоторых членов общества в адрес руководства Берлинской ветви НТО приводит к тому, что Рудольф Штайнер, Мария фон Сиверс и Фридрих Ким выходят из руководства НТО и основывают новую ветвь, названную ветвью Безант, к которой присоединяются почти все берлинские члены общества. В январе 1906 года НТО будет расформировано. — В июле проходит второй конгресс Федерации европейских секций, на этот раз в Лондоне. — Поездкой в сентябре Рудольф Штайнер начинает публичную деятельность в Швейцарии: в Санкт-Галлене, Цюрихе и Базеле. Мария фон Сиверс сопровождает его в этой поездке и впоследствии живо описывает её Эдуарду Шюре (письмо №33b).

На генеральном собрании немецкой секции в октябре сообщается, что в прошедшем году было основано пять новых ветвей: в Берлине (ветвь Безант), Штутгарте («Штутгарт II» и «Штутгарт III»), Фрайбурге, Карлсруэ; общее число ветвей — 18, число состоящих в секции членов общества — 377, по сравнению с 256 в прошлом году. — В ноябре выходит первый номер «Сообщений для членов немецкой секции Теософского общества» — издаваемого Матильдой Шолль в Кёльне печатного органа, посвящённого внутренним делам секции, решение о выпуске которого было принято на генеральном собрании. Об этих «Сообщениях...» Шолль будет неоднократно идти речь в письмах вплоть до 1914 года.

20. Марии фон Сиверс в Берлин
Понедельник, 9 января 1905

Мюнхен, 9 января 1905

Любимейшая Мария! Я посылаю тебе неизменные мысли любви и симпатии. Я делаю это не только тогда, когда нахожу время, чтобы выразить тебе это в письменной форме. Ты знаешь это — и знаешь, как тесно мы связаны. И несомненно, что определённые противоборствующие силы будут восставать против нашего душевного союза; подобные вещи нужно переносить в полном покое.

Сначала найди совершенный покой, любимая моя: тогда волны будут разбиваться о скалу, на которой мы стоим. Когда эта скала воздвигнута на основе истины, ничто не может поколебать её, а значит и нас.

Благодарю тебя за твои чудесные письма. Они вносят в работу что-то очень дорогое. — Итак, первый Штутгарт и обе публичные мюнхенские лекции позади. Сегодня днём у меня ещё Шевич, вечером собрание студентов; затем завтра Штутгарт. — До сих пор, надеюсь, всё шло хорошо. Пусть так будет и дальше. Госпожа д-р Паулюс работает вовсю; Калькройт и Штинде являются настоящим примером дружеского служения.

Твоей «посылкой-путеводителем» я поделился с Калькройт и Штинде. — Подобные вещи довольно характерны для нашего времени. И на этом можно многому научиться. То, что делают лейпцигцы, заключено как раз в их карме; они иначе и не могут. — Это зависит от *внутреннего* людей, и тут на самом деле не стоит быть строгим судьёй. Но теперь тем, о чём мы должны вынести суждение, является как раз *внешняя* сторона. Ибо это должно стать основой нашего обучения. Прежде всего мы должны научиться из этого нашему собственному образу действий. Мы живём в эпоху, когда люди, подобные лейпцигским теософам, могут составить себе суждение: нечто подобное действует в наше время. Таковы инстинкты наших ближних, с которыми следует считаться. Если бы лейпцигцы были теософами, то карма нашего времени отражаться в них не могла бы. Но они вовсе не являются теософами. В этом мы должны признаться себе со всем сочувствием. Поэтому в них подобным образом отражается

понижающее, безбожное, дурно-демократическое нашего времени. Они являются жертвами этих главных черт современности. Моя любимейшая, прими то, что я тебе сейчас говорю, как относящееся к сегодняшнему эзотерическому уроку (сейчас утро понедельника). В головах так называемых теософов ещё раз самым вопиющим образом отразится весь материализм нашей эпохи. Поскольку теософский образ мыслей как таковой является столь высоким, те, кто не охвачены им *полностью*, станут как раз худшими материалистами. Вероятно, в теософах нам придётся пережить гораздо больше дурного, чем в тех, кто не затронут теософским учением. Теософское учение, воспринятое как догма, а не как *жизнь*, как раз и может вести в бездны материализма. Нам просто нужно это понимать. Посмотри на Кейтли. Он на лучшем пути к тому, чтобы стать худшей *жертвой* теософии. Без теософии он стал бы простым, не слишком способным, но, возможно, прилежным учёным. Через теософию он становится надменным, завистливым, брюзжащим честолубцем. Это те мысли, которым оккультист должен предаваться снова и снова, когда ему приходится думать о распространении высокой мудрости Мастеров среди слушателей. Это его большая ответственность. Это то, что нам всегда противопоставляют братья, которые остаются консервативными, а также стремятся и дальше поддерживать метод сохранения тайны. — И не проходит дня, в который бы не звучало отчётливо предостережение Мастеров: «Будьте осторожны, учитывайте незрелость вашей эпохи. Перед вами дети, и это ваша судьба — что вы должны донести до ваших детей высокие тайные учения. Будьте готовыми к тому, что своими словами вы воспитываете злодеев». Я могу лишь сказать тебе: если бы Мастер не убедил меня, что несмотря на всё это теософия необходима нашему времени, я и *после* 1901 года писал бы только философские книги и говорил бы только литературно и философски.

Моя дорогая, оставайся крепкой ради меня: что бы ни происходило *видимым образом*, с нами не может ничего случиться в *действительности*, пока мы будем сохранять связь с Великой Ложей. Но помощь возвышенных Мастеров пребывает с нами только благодаря нашей *крепости*. Ты знаешь: я говорю *это* так же трезво, так же ясно для понимания, как говорю самое обы-

денное в жизни. «Оставайтесь крепкими и ясными», — так говорят Мастера каждый день.

В преданности всецело твой,
Рудольф.

«посылкой-путеводителем»: «Теософский путеводитель», ежемесячный журнал, орган общества Гартмана-Бёме (Лейпциг); издатель — Артур Вебер.

Будьте готовыми к тому, что своими словами вы воспитываете злодеев: Ср. с этим главу «Расщепление личности в ходе духовного ученичества» в книге «Как достигают познаний высших миров?», GA 10.

если бы Мастер не убедил меня: Это должно было быть в период между разговором Рудольфа Штайнера с Марией фон Сиверс осенью 1901 (см. стр. 30-31) и его вступлением в Теософское общество в январе 1902 года; ибо в августе 1902 он написал в черновике своего циркулярного письма, обращённого к немецкой ветви: «Я вступил не раньше, чем увидел, что духовные силы, которым я должен служить, присутствуют в Теософском обществе».

связь с Великой Ложей: Рудольф Штайнер имеет здесь в виду сообщество «Учителей» или «Мастеров мудрости и созвучия ощущений», подробнее см.: «К истории и из содержания первого отделения Эзотерической школы», GA 264.

21. Марии фон Сиверс в Берлин
Четверг, 12 января 1905

Нюрнберг, 12 января 1905

Любимейшая Мария! Сердечно благодарю за твои письма, которые я все — включая и перо — получил. По-моему, и дальше всё шло хорошо. Вчера здешний зал был особенно полон. Только в Йене: там, кажется, совершенно не ладится с организацией. Сначала я получил сообщение от госпожи Любке, что ничего не

будет, затем что что-то всё-таки будет. Так что далее я сразу отправляюсь туда. Посмотрим. Это будет самым трудным: противостояние с официальной «наукой». Учёные и ревнители учёности выставляют на пути тяжелейшие предрассудки; и это было бы в духе Мастеров, что хотя мы и должны отважиться на этот шаг, но следует быть здесь в высшей степени осмотрительными. И поэтому я подхожу к сегодняшней задаче с чувством особой ответственности.

Помимо этого я могу лишь сказать тебе, что в субботу в 7:40 прибуду на Анхальтский вокзал и что высылаю вперёд самые сердечные мои к тебе чувства

Твой Рудольф.

22. Марии фон Сиверс в Берлин
Четверг, 19 января 1905

Дюссельдорф, 19 января 1905

Любимая моя. Тебе не следовало бы беспокоиться из-за моего внешнего вида в воскресенье. Скорее всего, это было лишь отражением печальной истории в школе для рабочих. Ты знаешь, что работу в этих кругах я рассматривал как определённую миссию. Действительно, разрушено нечто, что я не хотел видеть разрушенным. Теперь, конечно, иначе уже не будет. Но постепенно наше время продвигается к такой форме жизни, которая делает необходимым согласованное напряжение всех сил, действительно устремлённых вперёд. Было бы так необходимо влить наше духовное мировоззрение во *всё*. И всё-таки в воскресенье в чём-то важном для меня была поставлена последняя точка. Когда я вижу, в какие руки плавно переходит формирование нашей демократии! Красоты в этом нет.

Однако вместе с этим я могу ещё раз сообщить тебе, что люди здесь находят меня «выглядышим особенно хорошо».

Итак, в понедельник я рассказывал кёльнцам про Апокалипсис. Их было совсем немного, потому что, как потом выясни-

лось, в Кёльне не знали, что такое «Апокалипсис». А госпожа Шолль не добавила никакого разъяснения.

Во вторник днём я говорил перед кёльнскими членами общества о «Книге Бытия», а вечером публично — о «Сказке Гёте». По сравнению с предыдущей кёльнской лекцией посещаемость была хорошей, и всё прошло вполне хорошо.

Вчера, в среду днём, я говорил в Годесберге о «Теософии и христианстве» в небольшом кругу, а вечером в Бонне о «Фаусте» Гёте. И в Бонне посещаемость также была относительно хорошей.

Сегодня четверг, и я в Дюссельдорфе, — Бойер уже кое-что сделал. Сейчас четверть третьего, в четыре я буду говорить о «Понятии Бога», вечером у госпожи Смитс — о «Фаусте» Гёте. Завтра днём — «Жизнеуправление», а затем вечером здесь публичная лекция.

В субботу рано утром, около восьми, я буду дома. Госпожа Шолль заказала спальный вагон, как ты хотела.

До свидания, сердечнейше твой,
Рудольф

печальной истории в школе для рабочих: Лекция в воскресенье 15 января 1905 года стала последней из прочитанных Рудольфом Штайнером в школе для рабочих.

Бойер уже кое-что сделал: Отто Бойер (Otto Boyer), художник, с апреля 1904 года член общества, председатель вновь основанной в октябре 1904 Дюссельдорфской ветви. (Эта ветвь, участвовавшая в создании немецкой секции в 1902 году, вскоре после этого события была распущена, а её председатель Бруно Берг ушёл в отставку.) Бойер также покинул Дюссельдорф в октябре 1905. Пост председателя занял Йоханнес Лауверикс. Бойер написал портрет Рудольфа Штайнера (хранится в Архиве Рудольфа Штайнера).

госпожи Смитс: Клара Смитс Месс'оуд Бэй (Clara Smits Mess'oud Bey, 1863–1948), с конца 1903 года член общества, с 1907 председатель ветви в Дюссельдорфе, с 1908 в правлении секции. Разговор с Рудольфом Штайнером в конце 1911 года о профессиональном образовании её

дочери Лори через некоторое время привёл к рождению нового вида искусства — эвритмии.

23. Марии фон Сиверс в Берлин
Вторник, 14 марта 1905

Мюнхен, 14 марта 1905

Любимейшая Мария!

С любовью и преданностью думаю я о тебе и благодарю тебя за прекрасное приветствие, которое получил вчера. Долго писать тебе я не могу, поскольку здесь множество дел. Но ты знаешь: в духе я с тобой. В Нюрнберге всё снова прошло довольно неплохо. Как ни странно, присутствовали и два штутгартца: Пфундт и дель Монте. Также и Шпайзер, о котором мы недавно говорили, появился в поле зрения. В Регенсбурге, конечно, лишь немногие выбираются из ультрамонтанской тьмы. Итак, в воскресенье и в понедельник были публичные лекции. Я и здесь уже довольно прилично углубился в «эзотерическое». Посещаемость хорошая. Дайнхард был на обеих лекциях.

Вскоре тут должна была бы возникнуть небольшая шероховатость. Госпожа фон Хофштеттен хотела уйти в отставку. Я попытался убедить её, что это будет нехорошо. Наверное, она останется.

Ты пишешь мне столь доброе о лекциях прошлой недели. Да, видишь, — я должен буду всё больше освобождаться в лекциях от метода семичленности, как он давался обычно, особенно из-за эзотерического буддизма Синнетта. Трёхчленная трёхчленность моей «Теософии»²² для целей действительного проникновения в суть вещей является единственно возможной. Семичленность, без такого возвращения к трёхчленности, ведёт только к ошибкам. Как восточные, так и западные мистики с самого начала вынуждены были противопоставить это схематизму Син-

²² Имеется в виду вышедшая в 1904 году книга Рудольфа Штайнера (GA 9). — *Прим. пер.*

нетта. Поэтому из семичленного деления вышло не много практического. Ты видишь: в сообщениях из Акаша-хроники с момента выхода за пределы середины Лемурии я больше не говорю о под-«расах». И это в точности соответствует созерцанию. Ведь понятие под-рас, строго говоря, имеет значение только от середины Лемурии до конца нашего цикла (пятая коренная раса). Затем это понятие теряет своё значение для созерцания. Точно так же и понятие коренной расы теряет далее своё значение, обретая его вновь для определённых условий лунной и солнечной эволюции, и не ранее того.

При строгом рассмотрении обнаруживаются только 16 действительных человеческих рас: 5 лемурийских, 5 атлантических + 5 арийских + 1 постарийская. То, что выступает до и после, есть нечто иное, чем «раса». Поэтому существует многое, что должно быть исправлено, так как оно было привнесено банальным распространением на все планеты представлений, действительных для Земли. Как следствие этого возник тот злополучный схематизм, который позволяет произвольно и чисто механически переносить семь земных отношений на все планеты. Вначале вообще невозможно было присоединиться к теософскому движению, не занимаясь вечным умножением на семь. Но постепенно это механическое умножение должно быть заменено живой духовной реальностью.

Всецело и искренне твой,
Рудольф

Пфундт: Фридрих Пфундт (Friedrich Pfundt), секретарь железной дороги, ещё до 1902 года член общества в Штутгарте.

дель Монте: Хосе дель Монте (José del Monte, 1875–1950), промышленник, с ноября 1903 года член общества. Соучредитель акционерного общества «Грядущий день» (Kommender Tag AG), в которое он вошёл со своей фабрикой с семьями рабочих.

Госпожа фон Хофштеттен: Роза фон Хофштеттен (Rosa von Hofstetten, 1836–1908), была председателем новообразованной в мае 1904 Мюнхенской ветви, пока в 1906 году по причине болезни не передала этот пост графине Калькройт.

эзотерического буддизма Синнетта: Альфред Перси Синнетт (Alfred Percy Sinnett), «Эзотерический буддизм», 1883; на немецком: «Эзотерическое учение или тайноведение буддизма» («Die esoterische Lehre oder Geheimbuddhismus», 1884).

сообщениях из Акаша-хроники: Ряд статей о мировой эволюции, вышедших в журнале «Люцифер-Гнозис» начиная с июля 1904 года. Впоследствии изданы в виде книги «Из Акаша-хроники», GA 11.

24. Марии фон Сиверс в Берлин
Воскресенье, 19 марта 1905

Кёльн, 19 марта 1905

Любимая моя, хочу лишь наскоро сообщить тебе, что в пятницу в Бонне у меня с голосом всё было почти в полном порядке, а вчера здесь — уже в полном порядке. В этом смысле действительно критическим был только вечер четверга. Нам нет никакой необходимости отменять пятницу. Когда я вернусь домой, в отношении происхождения с голосом ты уже ничего не заметишь. Так что, пожалуйста, позволь мне в пятницу прочитать лекцию о четвёртом измерении.

Д-р Пайперс был вчера на лекции и сказал мне о переносе в Эльберфельде. Но ты должна учитывать, что люди ведь неумелы, и ничего не могут поделать со своей неумелостью. Я уверен, что билет в обе стороны может быть использован и для другого маршрута Дюссельдорф — Берлин. Собственно, это было бы естественно. Но сначала нужно посмотреть, возможно ли это, потому что для чиновников естественное подчас бывает невозможным. Надеюсь, всё получится.

Сердечнейше,
твой Рудольф

в пятницу прочитать лекцию о четвёртом измерении: Лекция в Берлине 24 марта 1905 года (GA 324a).

Д-р Пайперс: Д-р мед. Феликс Пайперс (Felix Peipers, 1873–1944), с октября 1904 года член общества в Дюссельдорфе. В 1906/07 открыл как невролог частную клинику в Мюнхене. Принимал участие в мистериальных постановках в 1910–1913, в 1911 выступил соучредителем Строительного союза, с 1911 в правлении секции, с 1915/16 председатель ветви «Мюнхен I», в 1921–1924 врач в штутгартском Клинико-терапевтическом институте.

25. Марии фон Сиверс в Берлин
Пятница, 7 апреля 1905

Каннштатт²³, 7 апреля 1905

Любимая моя! Я должен выкроить несколько минут, чтобы написать тебе сейчас несколько строк. В мыслях я с тобой. Оба твои письма такие чудесные. Одного только тебе не следует делать: постоянно беспокоиться. Посмотри: в действительности дело обстояло неплохо. Все люди, севшие в Берлине в купе, в котором ехал я, вышли в Лейпциге, то есть примерно в полпервого, и затем до Нюрнберга, то есть до восьми часов, я был совершенно один. Всегда лучше быть немного невозмутимее в таких вещах. Если ты постоянно беспокоишься обо мне, то мне приходится беспокоиться о твоём беспокойстве, и так мы вовсе с этим не справимся. — Но ведь мы с тобой близкие люди. И поэтому с нами обоими всё будет хорошо. Оставайся уверенной, здоровой, свежей, — ради меня. Я должен найти тебя такой, когда вернусь домой после всех моих путешествий.

Теперь несколько практических вопросов: В «Вахане» Бреша можно написать примерно следующее: «Библиотека Берлинской ветви (Немецкое теософское общество) находится — — и книги могут быть получены на следующих условиях».

Я считаю, что Бреш с его неспособностью к такту сделает величайшую глупость, если мы просто не потребуем от него: заметка в том виде, в каком она существует сейчас, должна быть изъята, а на соответствующее место должна встать эта короткая.

²³ Район, относящийся к Штутгарту. — *Прим. пер.*

В программе на 4 мая должно стоять: «Шиллер и современность (теософское чествование Шиллера²⁴)».

Отправила ли ты программу Хайнсу Эрбену? Пожалуйста, напиши мне об этом к понедельнику или воскресенью в Гамбург, чтобы я не отправлял туда вторую.

Каталоги книг совершенно верны. В том числе и место, касающееся «Люцифера».

Так что ещё раз самые сердечные приветствия. Оставайся свежей, здоровой, уверенной.

Твой Рудольф.

26. Марии фон Сиверс в Берлин
Вторник, 11 апреля 1905

По дороге в Мюнхен, 11 апр. 1905

Любимая моя. Может случиться так, что в Мюнхене я снова долго не смогу писать; поэтому я хотел бы послать тебе самый сердечный привет из вагона поезда. Так чудесно, когда ты пишешь часто. Ты сопровождаешь меня своим благословением. А твоё благословение принадлежит нашей работе.

В Штутгарте, как ты знаешь из сообщения Аренсона, всё прошло хорошо. Две ложи пока что так ладят друг с другом, как этого могло бы и не быть, если бы они были единым целым. В общей сложности в Штутгарте теперь четыре ветви. Помимо двух наших это ещё одна, основанная Бёме, и ложа Тингли (Глюкзелиг). Но члены ветви Бёме — по крайней мере, некоторые — были полны симпатии при посещении моих лекций, а их главный деятель, некий господин Бах, даже вручил мне подарок в картонной коробке, когда я уезжал. Что там, я не знаю. Ибо ещё не нашёл времени, чтобы её открыть.

Поезд сейчас останавливается в Ансбахе.

²⁴ К столетию со дня смерти Шиллера 9 мая 1905 года. — *Прим. пер.*

В Ганновере посещаемость была посредственной, но неплохой по их обстоятельствам. Там на всём лежит (подобно облаку дыма) отпечаток разъедающего интеллекта бедного Хюббе-Шляйдена, — столь же далёкого от всякой интуиции, сколь мозг немецкого профессора греческого искусства далёк от понимания греческого гения. Этот человек говорит на таком анти-теософском языке, что ему можно посочувствовать так же глубоко, как узнику, который держит свою темницу за целый мир. Он прилагает бесконечные усилия, пытаясь выжать воду из совершенно сухой губки. На самом деле вся его мудрость заключается в сплаве сегодняшних азбучных истин с несколькими обрывками «древней мудрости», заученной в совершенно схематичной форме. К тому же он заказал большие модели так называемого «первичного атома», которые занимают почти полкомнаты и которые при этом лишь воспроизводят изображение, помещённое перед титульной страницей «Древней мудрости» Анни Безант. Когда я последний раз был в Мюнхене, Дайнхард показывал мне фотоснимки этих моделей словно драгоценное сокровище.

Любимая моя: всё относительно. И от этой мудрости Хюббе-Дайнхарда до самонадеянной мистики «штутгартского адепта» А. Оппеля путь всё же лежит *наверх*. И со *своей* точки зрения Оппель не совсем неправ, держа Дайнхарда за «слабоумного». Так он выразился недавно. И всё же сам Оппель — «курьёзный человек». Надо смотреть на все эти относительности совершенно объективно. Потому что даже если лягушка и не является волком, она всё же крупнее мухи.

В Гамбурге Хубо по-прежнему не выходит за пределы своего внутренне-внешнего беспокойства. Он, в сущности, всем хочет добра, но ко всему придирается и на всё жалуется. В воскресенье я говорил членам ложи о значении дней недели и о семи римских царях, чтобы наглядно показать чрезвычайно практическое, втекающее в жизнь значение теософии. Вчера на «Евангелии Гёте» слушателей было, в принципе, немало.

То, что ты поместила моё имя на титульном листе «Детей Люцифера», кажется мне излишним, потому что десять небольших страниц — это слишком мало для того, чтобы как-то осо-

бенно упоминать обо мне. Но давай оставим так, как это соответствует твоему видению.

В этот раз во время моего пребывания в Мюнхене Дайнхарда там не будет. Он отправляется в Рим на психологический конгресс, чтобы посмотреть, не соблаговолят ли всё-таки славные официальные психологи обратить внимание на некоторые «метафизические» (*recte*²⁵: спиритические) наблюдения. Грустно видеть, как жадно эти люди копают в поисках сокровищ и радуются, когда находят дождевых червей.

Поезд сейчас останавливается в Гунценхаузене. Снаружи холмистая лесная местность и пасмурное настроение. Даже начинается дождь.

Вчера ты снова выступила за меня. Я так рад, что это происходит и что во время моего отсутствия на моём месте сидишь ты. Так ведь и должно быть. Будем продолжать в том же духе.

Продолжай заниматься медитацией так хорошо, как только можешь. От неё ведь исходит сияние, которое должно проливаться на интеллектуальное постижение оккультных вещей. В медитативных формулах и упражнениях на концентрацию, которые у тебя есть сейчас, лежит ключ ко многому. Они с прадревних времён были отчеканены великими адептами, и кто в покое оживляет их в своей душе, впитывает из них истину семи миров. Именно в них заложены тайны знающих. И кто сумеет правильно их применить, получит возможность сбросить оболочки трёх нижних форм мира и постепенно дорасти до ступени «Лебеда». Тебе не следует беспокоиться о несовершенствах своего медитирования; но всегда старайся делать всё, что в твоих силах.

Теперь ещё самые сердечные приветствия
от твоего Рудольфа.

Через несколько минут поезд прибудет в Тройхтлинген.

Две логи: Свидетельство об основании ветви «Штутгарт II» (ветвь Кернинга) под председательством профессора Оскара Больца датиро-

²⁵ Как они говорят (лат.). — *Прим. пер.*

вано 19 января 1905 года. — В сентябре 1905 добавилась ветвь «Штутгарт III», которая была специально создана для изучения работ Рудольфа Штайнера (председатель Ханс Вайсхаар, секретарь Адольф Аренсон). В 1907 ветвь «Штутгарт I» прекратила своё существование, и её место заняла ветвь «Штутгарт III».

Бёме: Эвдин Бёме, генеральный секретарь Лейпцигского общества.

Тингли: Кэтрин Тингли (Katherine Tingley, 1852–1929), американский теософ, «преемница» Вильяма Квана Джаджа на посту руководителя независимого от Адьяра «Теософского общества в Америке».

«Древней мудрости» Анни Безант: Немецкий перевод книги «The Ancient Wisdom» (1897), выполненный Матильдой Шолль в 1898 году.

«Детей Люцифера»: Драма Эдуарда Шюре; Le Théâtre de l'Âme (1ère série); Les Enfants de Lucifer (Drame antique), Paris 1900; авторизованный перевод Марии фон Сиверс, Лейпциг 1905, Дорнах 1955.

Вчера ты снова выступила за меня: Собрание членов Берлинской ветви проходило по понедельникам.

27. Рудольфу Штайнеру, предположительно, в Карлсруэ
Четверг, 13 (или пятница, 14) апреля 1905, из Берлина

В большой спешке:

Я отправила номера «Люцифера» для продажи также и господину Швабу. Можно ли указать на работу «Посвящение и мистерии»? Я сложила вместе три тетрадки по одной марке. — Там указывается на «Эзотерическое христианство» и «Великих посвящённых».

Желаю самого прекрасного и лучшего. Как насчёт первого мая? Следует ли мне всё отменить? Касселя, конечно, ещё нет, но есть ли что-то на первое мая?

У меня есть намерение как можно скорее отдать в печать лекции по Шиллеру (Киму на риск) и предоставить гранки в пятницу. Говорила об этом сегодня с человеком из Потсдама, кото-

рый был здесь. 200 марок за 1 000 экземпляров, как в случае «Фауста Гёте», но в два раза толще. Сделаем?

До свидания!

господину Швабу: Фридрих Шваб из Гейдельберга, где 17 апреля 1905 года была прочитана публичная лекция «Учителя мудрости христианства».

работу «Посвящение и мистерии»: Статья в трёх частях в журнале «Люцифер» (июль, август, сентябрь 1903 года). Снова опубликована в GA 34, «Люцифер-Гнозис, 1903–1908».

«Эзотерическое христианство» и «Великих посвящённых»: Анни Безант, «Эзотерическое христианство, или Малые мистерии» (Annie Besant, «Esoterisches Christentum oder die kleinen Mysterien», Leipzig 1903), перевод на немецкий Матильды Шолль; Эдуард Шюре, «Великие посвящённые» (Edouard Schuré, «Les Grands Initiés», Paris 1889). Авторизованный немецкий перевод, выполненный Марией фон Сиверс, начиная с февраля 1904 года регулярно печатался в журнале «Люцифер-Гнозис»; книжное издание — Лейпциг, 1907 и Мюнхен, 1955.

Касселя: 1 мая 1905 года там состоялась публичная лекция «Шиллер и теософия».

лекции по Шиллеру: «Шиллер и наше время». Записи этих лекций, прочитанных Рудольфом Штайнером в берлинской «Свободной высшей школе» в январе-марте 1905 года, были изданы Марией фон Сиверс (Берлин, 1905; Дорнах, 1932). Вновь опубликованы в GA 51, «О философии, истории и литературе».

Киму: Фридрих Ким (Friedrich Kiem, ум. 1933), с сентября 1903 года член общества, казначей Берлинской ветви, с 1905 в правлении секции.

как в случае «Фауста Гёте»: Имеется в виду небольшая брошюра Рудольфа Штайнера «„Фауст“ Гёте как отражение его эзотерического мировоззрения», Берлин, 1902; в 1918 была дополнена ещё двумя статьями и издана под названием «Духовный облик Гёте, как он открывается через „Фауста“ и через сказку о змее и Лилии»; ныне в GA 22.

28. Марии фон Сиверс в Берлин
Вербное воскресенье, 16 апреля 1905

Мангейм, 16 апреля 1905

Любимая моя. Посылаю тебе отсюда сердечнейшие приветы. Мои мысли пребывают с тобой, и в четверг я надеюсь застать мою добрую любимую вполне здоровой. В Мюнхене, похоже, было опять всё хорошо. Однако лекции, в которых речь идёт о чём-то христианском, как в случае, например, апостола Павла, пока ещё находят не много ушей. Тут есть две трудности. Во-первых, предшествующий ход развития теософского движения привёл к тому, что люди считают теософию чем-то сугубо индийским. И поэтому они полагают, что теософу нечего сказать о христианстве. Во-вторых, официальное христианство действительно выступает сегодня в такой форме, что становится трудно поверить в представляемый мной истинный его облик. Многое ещё потребуется для того, чтобы внести здесь ясность. Католицизм больше не находит слов, чтобы возвещать о «Христе», ибо он отступил от современных форм мышления и поэтому, в сущности, может быть понят только теми, кто благодаря своей необразованности не затронут этими формами мышления. Протестантизм находится на пути к тому, чтобы через историзм фактов и рационализм своих теологов совершенно потерять «Христа» и держаться только за «Иисуса из Назарета», которого он стремится приблизить к демократизму современности, преподнося его как «просто человека».

Поэтому и в Карлсруэ на публичной лекции нетеософы были несколько озадачены тем, что они услышали о христианстве, а теософы хотя и встретили это с симпатией, но всё-таки тоже были несколько удивлены. На их лицах можно было прочесть: «мы прежде и не подозревали, что в христианстве есть такая теософия». Кстати, на этой лекции присутствовал *проф. Дреус*, профессор философии в Технической высшей школе в Карлсруэ. Я знал его раньше, но не видел, наверно, лет восемь. Вчера я посетил его после лекции. Мне показалось, что это может быть очень хорошо. Ибо он, вероятно, один из самых проникательных немецких профессоров философии. Но он не может преодолеть самое существенное препятствие. Его отделяет от теософии

то же, что отделяет от неё и Эдуарда фон Гартмана. Оба не могут поверить в возможность переживания сверхчувственного. Таким образом, они приходят только к *умозаключениям* в отношении этого сверхчувственного. Из этого, конечно, не может выйти ничего, кроме абстракции, *carut mortuum*²⁶ спекулятивного рассудка. В полуторачасовом разговоре мы в основном договорились только о том, что нас *разъединяет*. Личность, подобная Дрексу, как раз и должна застревать в своих привычных формах мышления словно под гипнозом. Пройдёт ещё немало времени, прежде чем немецкий философский мозг постигнет простое основное ядро философии Веданты. До тех пор в этой области вообще ничего не сделать. Если бы только люди смогли однажды понять Гёте или Шиллера.

Если ты действительно считаешь, что лекции по Шиллеру нужно напечатать, отдай их в печать. Только на титульном листе должно, конечно, стоять, что это лекции. И также я хочу прислать тебе завтра несколько строк в качестве предисловия, которые ты сможешь использовать. Я надеюсь, что 4 мая смогу ещё дальше углубиться в Шиллера, поскольку в Зале архитекторов у нас уже есть публика, которая до некоторой степени разбирается в теме.

Графиня Калькройт пришлёт тебе мои книги, которые в оставшейся части поездки мне больше не понадобятся. Сохрани их для меня.

Затем напиши, пожалуйста, баронессе Гумппенберг несколько слов с точным названием той английской книги по физике, которую ты когда-то получила от миссис Бурке в качестве книги для группы. Это нужно для того, чтобы фройляйн фон Гумппенберг спустилась на землю с высот трёх Логосов и Шивы, где она почти исключительно пребывает. Я отменил лекцию, назначенную на 1 мая; то же самое должно произойти и со всеми остальными. Потому что если я 1 мая буду дома, то в этот день и лекцию прочту дома. В Страстную пятницу я хотел бы говорить о «Пасхе и теософии», а 1 мая — об «Утраченном храме, кото-

²⁶ Мёртвая голова (лат.) — устойчивое выражение в алхимии и обработке металлов, обозначающее оставшиеся в тигле и бесполезные для дальнейших химических реакций продукты. — *Прим. пер.*

рый должен быть вновь воздвигнут». И я бы не имел ничего против второй лекции в Касселе, если на то есть перспективы.

В Мюнхене меня хотят снова видеть в начале мая. Они тебе об этом напишут. Я хотел бы поехать туда ещё раз, тем более что затем я должен выступать во Фрайбурге-им-Брайсгау. По этому поводу тебе напишет господин Манц. Запланируй тогда Мюнхен и Фрайбург так, как это покажется тебе правильным. Фрайбург может также быть важен.

Теперь ещё кое-что другое. Я не знаю, помнишь ли ты госпожу Вакано из Мюнхена. Ей нужна небольшая помощь с нашей стороны. И мы должны сделать то, что в наших силах. Речь идёт о следующем. Когда-то она развелась со своим мужем. Теперь она хочет изучать медицину в Германии. Для этого она должна прежде сдать экзамены, необходимые для поступления. Но как русской «подданной» ей не позволено это сделать. Так что она решила выйти замуж в Германии, чтобы стать немецкой «подданной» (так она говорит). Но теперь, как ни странно, русская «подданная» нуждается в согласии мужа, с которым она развелась, чтобы получить «разрешение» на брак от русской Генеральной консистории. И учитывая обстоятельства развода с мужем, она слабо верит, что такое разрешение он даст. Короче говоря, необходимо сделать следующее: обратиться в петербургскую Генеральную консисторию с вопросом, не существует ли другой возможности для выдачи разрешения на повторный брак. Сейчас я думаю об этом так: госпожа Каменская могла бы сходить в Генеральную консисторию. Там ей следует найти по возможности компетентного и хорошо информированного сотрудника. Она должна спросить его, действительно ли разрешение господина Вакано совершенно необходимо и не окажется ли достаточным, если Генеральной консистории будет очевидно показано через письма времён развода, что виновной стороной при разводе был *муж* Вакано. Я думаю, госпожа Каменская может очень хорошо это сделать. — Госпожа Вакано, вероятно, напишет тебе об этом в ближайшие дни. Но если ты не сможешь полностью разобраться на основании того, что я написал, то с письмом госпоже Каменской можно спокойно подождать, пока я вернусь домой.

Что касается визита госпожи Писаревой, следуй, моя любимая, своему ощущению. Что бы ты ни сделала в этом случае, для меня будет и правильно, и по сердцу. Подумай только об одном: не будет ли лучше для твоего покоя и сосредоточенности, если госпожа Писарева сможет приходить, когда захочет, но при этом будет жить в отдельном пансионе? Тогда *она*, возможно, могла бы получить от нас больше, чем если бы всё время была в доме. Но ещё раз: делай так, как тебе хочется согласно твоему ощущению. Так и так я согласен с этим.

Теперь я хочу поработать здесь до обеда завтрашнего дня, чтобы затем подходящим поездом перебраться в совсем близкий Гейдельберг.

Всего самого сердечного,
твой Рудольф.

Я надеюсь, что 4 мая смогу ещё дальше углубиться в Шиллера: Лекция «Шиллер и современность» к столетию со дня его смерти (опубликована в GA 53).

баронессе Гумппенберг: Эмми фон Гумппенберг (Emmy von Gumprenberg, 1857–1934), с мая 1904 года член общества в ветви «Мюнхен I», также исполняла обязанности председателя ветвей «Мюнхен II» и «Мюнхен III», принимала участие в мистериальных постановках. В 1913 автор «Открытого письма к д-ру Хюббе-Шляйдену в ответ на его „Послание мира“».

фройляйн фон Гумппенберг: Марика фон Гумппенберг (Marika von Gumprenberg, 1884–1968), с апреля 1907 года член общества, племянница баронессы фон Гумппенберг.

миссис Бурке: Предположительно, руководитель Эзотерической школы теософии. В апреле 1902 года во время своего визита в Болонью Мария фон Сиверс была принята в эту школу.

Я отменил лекцию, назначенную на 1 мая; то же самое должно произойти и со всеми остальными: Изначальный план выступлений неизвестен. Лекция на тему «Пасха и теософия» была прочитана в Берлине 21 апреля 1905 года, в Страстную пятницу. Запланированная на 1 мая в Берлине тема «Об утраченном храме, который должен быть вновь

воздвигнут» была представлена 15 мая. Относящиеся к этому заметки можно найти в GA 93.

господин Манц: Альфред Манц (Alfred Manz), член общества со времени основания ветви во Фрайбурге-им-Брайсгау в октябре 1905 года, впоследствии уехал в Аргентину.

госпожу Вакано: Гарриет фон Вакано (Harriet von Vacano, 1862–1949), из России, с мая 1904 года член общества в Мюнхене, управляла там вегетарианским пансионом «Корзина с фруктами», участвовала в мистериальных постановках в 1907–1913, по предложению Рудольфа Штайнера занималась переводом трудов Владимира Соловьёва на немецкий язык (под именем Харри Кёлер), впоследствии жила в Дорнахе.

госпожа Каменская: Анна Каменская (1867–1952), в 1908 году стала первым генеральным секретарём русской секции Теософского общества.

госпожи Писаревой: Елена Писарева (род. 1853) из Калуги, русская приятельница Марии фон Сиверс. С 1905 года член общества в Берлине, с 1908 руководитель ветви Рудольфа Штайнера в Калуге. Она пригласила Рудольфа Штайнера прочитать лекции в своём имении под Калугой, но затем это собрание состоялось в мае 1906 в Париже. Ср.: Мария Штайнер, «Истоки духовнонаучной лекционной деятельности» («Новостной листок», №35 от 30 августа 1925 года).

29. Марии фон Сиверс в Берлин
Понедельник, 17 апреля 1905

Мангейм, 17 апреля 1905

Любимая моя!

У меня здесь есть ещё часок, и я хочу послать тебе сердечнейший привет. Я не знаю, нашёл ли уже Клееберг для меня гостиницу в Касселе; если нет, я хотел бы поселиться в «Monopol Hotel». Я по-прежнему считаю, что лучшие отели — это те, которые выбираешь себе сам.

Помимо прочего, я написал здесь статью «Как достигают познаний высших миров?» для двадцать второго номера «Лю-

цифера». Она содержит важное об эволюции эфирного тела. Тем самым, конечно, осуществляется глубокое погружение в эзотерику, и тех, кто остаётся при простом перечислении различных «тел», некоторые вещи поразят. Но эти вещи сейчас *должны* появиться. В отеле было довольно спокойно; но «духи отеля» создают всё же иную атмосферу, чем жилые комнаты тех, кто уже немного проникся теософскими мыслями. Помимо работы я совершил ещё небольшую прогулку к памятнику Шиллеру перед мангеймским театром. Ты знаешь, что именно из Мангейма впервые прозвучало для мира имя Шиллера. И вот теперь перед театром, между слащавым Иффландом и скучным Дальбергом, стоит человек в самой невероятной позе, с карикатурнейшей энергией, невозможной пластикой (например, пальто такого веса, что потребовались бы три немецких капрала, чтобы его нести, лоб плохого характерного актёра и т. д., и т. д., и т. д.). Всё это и есть наша современная культура. Спрашивается: неужели наши скульпторы потеряли всякое *чувство формы*? Неужели видят только маски и не видят души?

Однако теперь я должен упаковать вещи: то есть, — с твоей точки зрения, моя любимая, — устроить в чемодане небольшой беспорядок.

Всего самого сердечного
от твоего Рудольфа

В Берлине сейчас читает Геккель; и люди ведут себя так, словно дарвинизм появился в мире позавчера. Если наши газеты будут и дальше вести «культурную» работу в том же духе, то постепенно мы скатимся к совершеннейшему хаосу в мышлении. Должно проходить мимо подобной культурной работы и заниматься только *своим* делом.

статью «Как достигают познаний высших миров?» для двадцать второго номера: Речь идёт о начатой в двадцатом номере главе «О некоторых последствиях посвящения» (ныне в GA 10).

Иффландом: Август Вильгельм Иффланд (August Wilhelm Iffland, 1759–1814), актёр и драматург, с 1779 по 1796 в мангеймском театре.

Дальбергом: Вольфганг Хериберт фон Дальберг (Wolfgang Heribert von Dalberg, 1750–1806), с 1778 по 1803 интендант мангеймского театра.

30. Рудольфу Штайнеру в Дюссельдорф

Среда, 26 (или четверг, 27) апреля 1905, из Берлина

Не знаю теперь, придут ли книжки Шиллера вовремя в Дюссельдорф. Я только в среду утром получила корректуру и отправила её обратно курьером. Когда я читала своё «Предисловие», то вновь испытала моральную резь в желудке. Ты, наверное, очень сердисься. Я дала адрес д-ра Пайперса Хайнсу Эрбену. Пожалуйста, когда книги будут на месте, скажи д-ру Пайперсу, что цена одного экземпляра составляет 1 марку. Не правда ли, это же справедливая цена? Ким думал о 50 пфеннигах, как в случае Фауста, но в Фаусте было 32 страницы, а здесь 72 и формат немного больше. Так что я думаю, будем брать 1 марку.

Сердечный привет,
Мария

книжки Шиллера... как в случае Фауста: См. прим. к письму №27.

31. Марии фон Сиверс в Берлин

Пятница, 28 апреля 1905

Дюссельдорф-Рат, 28 апреля 1905

Моя любимая! Я прибыл к д-ру Пайперсу и шлю тебе самые сердечные приветы. Дом здесь окружён деревьями, и неяркие солнечные лучи падают на первые весенние цветы и древесные почки, раскрывающиеся навстречу этому свету. Так и я вкладываю жизнь в самые прекрасные приветствия — в надежде, что

под твоим милым взглядом бутоны приветствий раскроются для тебя, любимая моя.

Те несколько человек, что есть в Кёльне, проявляют действительно глубокий интерес к нашему мировоззрению. Также и на публичных лекциях всё прошло неплохо, хотя посещаемость могла бы быть и лучше. Вчера ответы на вопросы длились вплоть до 11 часов. В первый день после лекции я попросил наших людей направить официальный запрос в отношении записки, касающейся миссис Безант. Я надеюсь, что это обсуждение вкупе с лекциями станет лучшим ответом. Затем я открыто изложил людям положение вещей.

Касательно книжки Шиллера — здесь мне ещё ничего не показывали. Не беспокойся, моя любимая, что для меня что-то может быть не так. То, что ты делаешь, всегда проистекает из верных импульсов.

Пайперс мало развит. Медицинские штудии привели его, бедного, скорее к замешательству, чем к ясности. Он ведь хочет лучшего. Но он ещё не нашёл внутреннего центра. Плохое в нынешних официальных штудиях заключается в том, что они порождают в людях такие мыслительные формы, которые создают прямо-таки препятствия более высокому постижению вещей — даже при лучших устремлениях. Совершенно необходимо, чтобы как раз такие исследования, как медицинские, были проникнуты теософским духом. Очень важно, чтобы теософское воззрение *объединилось с наукой*. Мы не можем и не должны защищать дилетантскую врачебную халтуру. Это было бы опасно. — Здесь обязательно нужно смотреть глубже. Всё это связано с нашим циклом. Каждая из подрас нашей пятой коренной расы до сих пор находилась под семитским влиянием. Последнее, как ты знаешь, пришло в Центральную Европу через Испанию. Но такого рода влияния исчерпывают себя и, когда цикл завершается, должно прийти новое влияние. В действительности мы уже имеем в нашей культуре такое новое влияние; но оно ещё не достигло своего полного раскрытия. Всё это нужно понимать как взаимодействие двух духовных вихрей, которые имеют точку схождения в Христе. Я добавляю для тебя, любимая моя, символический рисунок, который ты, изучая, сможешь для себя раскрыть.

Выделение семитско-вавилонно-ассирийской культуры

III. Подраса

Семитское влияние здесь постепенно исчезает. Христианство будущего будет свободно от этого

Выделение древней зороастрийской культуры

II. Подраса

Выделение древней индийской культуры

I. Подраса

Где стоит знак ♂, там мы находимся сейчас. Мы ещё не полностью христианизированы, и воздействия из прошлого, носящие семитский характер, по-прежнему присутствуют, но как раз они являются разлагающим ферментом. Не случайно, что те два человека, которые благодаря своему острому, ясному, но совершенно материалистическому мышлению оказали сильнейшее влияние на европейские массы, Маркс и Лассаль, были евреями. И не случайно, что духи, которые действуют синтетически, созидаяще, а не рассудочно-разрушающе, такие как Бисмарк, Геккель, являются *невеликими* мыслителями, дилетантами, да ещё и тугоухими в отношении всех высших вопросов человечества. Они являются как раз эмбрионами становящейся культуры. Геккель несёт в себе нечто такое, что должно отпасть, как культурная плацента. Его позитивное является эмбриональным, а оболочка питается материалистической кормилицей девятнадцатого века. Именно в позитивном у Геккеля я вижу нечто, что может развернуться. В наше время существуют два вида мыслитель-

ных форм. Один вид связан с мыслями зарождающимися, ещё эмбриональными: Геккель в зоологии; эта форма должна быть оплодотворена Шиллером-Гёте. Затем Фехнер в психологии; эту форму должна оплодотворить теософия. Бисмарк в культурной политике; эту форму должен оплодотворить Толстой. Всё остальное является умирающим, разлагающимся: чисто анализирующее мышление в зоологии, ботанике и медицине; Вундт и его последователи в психологии; социал-демократия и либерализм в политике.

Наша теология, юриспруденция, педагогика — всё это наполнено разложением. В детских садах разложение педагогически уже стало ядом для детей. И отчётливее всего разложение проявляется в том, что эти детские сады, в свою очередь, стали необходимостью нашей умерщвляющей жизни в больших городах. Как ужасная язва может означать начало болезни. И ведь нет ничего хуже, чем когда наша педагогическая методика овладевает душой детей, ещё не достигших школьного возраста. Рассудочная дрессура совершенно незаметно подступает к тому, что должно возрасть только в созерцании. И самое ужасное заключается в том, что наши «педагоги» рассудочную дрессуру как раз и считают созерцанием. Ведь наглядным преподаванием называют ужаснейшую рассудочную препарацию.

Я вынужден закончить.

С самыми сердечными мыслями о тебе,
Рудольф.

Лассаль: Фердинанд Лассаль (Ferdinand Lassalle, 1825–1864). Основоположник социал-демократии в Германии.

Фехнер: Густав Теодор Фехнер (Gustav Theodor Fechner, 1801–1887). Немецкий естествоиспытатель и философ. Основоположник психофизики.

Вундт: Вильгельм Вундт (Wilhelm Wundt, 1832–1920). Философ. По образцу основанного им в Лейпциге института экспериментальной психологии были устроены многие подобные институты.

32. Марии фон Сиверс в Берлин
Суббота, 29 апреля 1905

Рат, 29 апреля 1905

Любимая моя, я хотел бы выехать отсюда завтра в 8 часов вечера. Таким образом, я прибуду в Кассель в 2:30 ночи. Там всё-таки лучше будет остановиться в отеле. Так что я снова буду в «*Kasselerhof*». Ведь здесь к завтрашнему вечеру будет сделано вполне достаточно. И, возможно, будет всё же хорошо, если я окажусь в Касселе уже в понедельник. Я буду действовать в соответствии с твоими добрыми намерениями в отношении возможной новой ложи. Посмотрим.

Самые сердечные приветствия,
Рудольф

возможной новой ложи: Ещё при создании немецкой секции (октябрь 1902 года) в Касселе существовала ложа, деятельность которой, однако, через какое-то время прекратилась, и только 14 января 1907 года ложа была заново основана и торжественно открыта Рудольфом Штайнером.

33. Марии фон Сиверс в Берлин
Воскресенье, 7 мая 1905

По дороге из Фрайбурга в Карлсруэ

Любимая моя! Завтра тебе предстоит провести День Лотоса. Что бы ты ни говорила в отношении себя в последнее время — я знаю: всё, что ты делаешь — это *хорошо*. Из своего прекрасного внутреннего ты найдёшь верное и в этот раз. Прилагаемые мысли я только что записал в вагоне поезда. Может быть, ты сможешь зачитать их. Я хотел бы, чтобы их воспринимали как своего рода письмо в ложу Безант. И в продолжение его ты так-

же сможешь от себя сказать что-то об Анни Безант, выдающейся ученице Е. П. Б.

Вчера во Фрайбурге всё прошло очень хорошо. Только вопросы никак не заканчивались. Штутгартцы не сочли нужным приглашать меня сегодня вечером. Так что я выехал в 11:41 из Фрайбурга и прибуду в Мюнхен в 10 часов вечера. Сегодня с 9 часов у меня была беседа с фрайбургцами. О том, как они относятся к присоединению, мы поговорим в четверг.

Теперь ещё сердечнейшие приветствия,
твой Рудольф

Поезд так раскачивает, что писать дальше совершенно невозможно, к тому же купе заполнено невероятно болтливыми людьми. К Дню Лотоса я отправлю завтра в Лондон приветственную телеграмму.

День Лотоса: День смерти Е. П. Блаватской (8 мая 1891 года).

присоединению: Фрайбургская ветвь Теософского общества была учреждена в октябре 1905 года (председатель Фердинанд Бауэр, секретарь Анна Вайсброд; инициатором создания ветви был Альфред Манц).

33а. Приложение к письму №33

В этот день вокруг имени Е. П. Блаватской объединяются мысли всех теософов Земли. Но уже мало кто знает сегодня, за что духовный прогресс должен благодарить основательницу нашего движения. И даже эти немногие знают это пока весьма неполно. Потому что глубокие истины, заключённые в «Тайной доктрине», раскрываются человеку лишь медленно и постепенно. Когда кто-то немного продвигается на пути, который для *любого* человеческого взгляда теряется в головокружительных высотах, он всегда обнаруживает в этой книге новые тайны, правильного

Ich sende zum
Herzog heute in
morgen im Hauptpost-
kutschen, Auf der Fahrt Freiburg Karlsruhe.

Mein Liebling! Morgen wirst Du den Lockung zu halten
haben. Was Du auch alles in den letzten Zeiten gegen Dich
selbst versprochen hast: ich weiß, das gibt ich, was Du machst.
Du wirst aus deinem Innern immer heraus auf die Welt
die richtige finden. Bisfolgende Gedanken habe ich eben in
Eisenbahnwagen aufgeschrieben. Vielleicht kann Du sie
vorlesen. Ich möchte sie als eine Art Brief an die Besant-
lage aufgesetzt wissen. Und Du wirst uns Dir aus auf
einige Worte im Anschluss über Anna Besant, die große
-Kölerin H. P. D's finden.

Gestern in Freiburg ging alles sehr gut. Aber es wollte
gar nicht anders mit Fragen. Die Stuttgarter haben
es mir das ich nicht richtig geschrieben, mich heute Abend zu
haben und deshalb abgesetzt. Es bin also 11^{1/2} von Freiburg
abgefahren und komme Abend 10 Uhr nach München. Ich
habe heute um 9 Uhr ab Besantführung mit den Freiburger
Leuten gehabt. Wie sie sich zum Anschluss stellen, darüber
habe ich mir keine Sorgen. Ist noch allerhand zu sagen.

Ich bin
Du sag, was ich so, das es
ganz unmöglich wird weiterzuführen, und das Dinge ich
von der allwissenden Welt voll.

понимания которых ещё не мог иметь прежде. Таким образом, Е. П. Б. относится к числу тех индивидуальностей, возрастающую степень почитания которых переживают по мере собственного развития. Когда хотят достичь правильного взгляда по отношению к Е. П. Б., необходимо получить опыт подобного повышения почитания. Нужно *научиться* почитать её правильным образом.

Поначалу, наверное, ещё спрашивают о частностях её жизни, чтобы выработать отношение к ней самой. Но существует взгляд, с точки зрения которого всё внешнее отступает перед ощущением неизмеримой значимости спиритуальной миссии Е. П. Б. и её великой задачи внутри современного духовного движения. Кто действительно воспринимает нечто от её спиритуальной миссии, для того из этого познания будет вытекать то, каким образом он должен поставить себя в отношение к нашей великой первооткрывательнице. Затем он также учится понимать, что человек, имеющий подобную миссию, поначалу обязательно должен встретиться с непониманием, даже с клеветой. Подобное относится к числу тех жертв, которые ему приходится принести жизни. —

Деятельность Е. П. Б. пришлась на то время, когда материалистический образ мышления и соответствующее настроение получили необычайно широкое распространение. Наука, жизнь — всё, казалось, поставляет материализму строительные блоки для возведения его гигантского здания. Неординарной должна была быть личность, которая в такое время вернула человечеству сознание истин духовного мира. Следует учитывать, что не только от самой истины зависит, как она должна быть передана людям, но и от этих людей. Бесконечно трудно было преподнести истину в такой форме, чтобы она могла быть понятна материалистическому образу мышления и настроению. То, как Е. П. Б. должна была выступить, предопределялось той мерой понимания, которую время могло принести ей навстречу. Когда молоток ударяет по предмету, то не только от молотка зависит, что произойдёт. Стекло разобьётся, а свинец превратится в тонкую пластинку. Когда великий дух даёт великое, то он должен влить свои дары в сосуды, которые подставляют ему принимающие. — В отношении Е. П. Б. лишь постепенно научатся

различать между внешней формой и внутренней ценностью её великих даров. — Именно дух того времени, в которое она должна была осуществлять свою миссию, сделал эту миссию такой бесконечно трудной. И то, что она всё же взяла на себя эту миссию, для проницательного взгляда свидетельствует о величии личности; но это свидетельствует также и о том, сколь велика была готовность этой личности приносить жертвы, связанные с этой миссией.

Особенно много возражений было выдвинуто против подлинности достижений Е. П. Б. со стороны учёных или желающих быть таковыми. Сомневались в том, действительно ли она получает свои провозвестия с той стороны, о которой она говорит. Но разве дело в этом? Разве речь не идёт прежде всего о том, чтобы понять творение и познать его внутреннюю ценность? Сколь многие, при должном углублении, должны были бы сказать себе, что вещи, которые они могут узнать из сочинений Е. П. Б., не могли бы быть им открыты ни из какого другого источника. В любом случае посредником является *она*. Является ли тогда разумным получать из рук человека истины, говорящие о высочайших вещах, а затем жаловаться на этого же человека в отношении правдоподобности вещей гораздо менее значительных? Ничто не могло бы сделать Е. П. Б. чудом больше, чем хоть какая-то основательность научных возражений против неё. Представьте себе теперь вывод, который пришлось бы сделать при таких предпосылках. Предположим, кто-то сомневается в том, что станцы Дзиан были «настоящими». В этом сомневались, и многие по-прежнему сомневаются. Итак, того древнего источника, на который указывает Е. П. Б., вовсе не существовало. Что ж, хорошо; попробуем ради эксперимента встать на такую точку зрения. Можно спорить о подлинности; спорить об истине — нелепость. Потому что в истине каждый сможет убедиться сам, если изберёт для этого верный путь. Кто это сделает, тот всё больше и больше будет узнавать в этих станцах глубочайшие истины. Дело именно в том, что при каждом продвижении вперёд в собственном познании всё больше убеждаешься в его бездонной глубине, и перед глазами всё яснее предстаёт то, что даже при продвинутом понимании пока нужно оставить *предоущущению*. — Что ещё означает — для того, кто это действительно

знает, — обвинение: Е. П. Б. выдумала станцы Дзиан? Ведь тогда должно было бы произойти нечто в высшей степени странное: эта женщина находит глубочайшие истины, а затем сочиняет глупую сказку об их происхождении. Вывод настолько невозможный, что может лишь свидетельствовать о нелогичности оппонентов Е. П. Б., и он, безусловно, не может быть воспринят всерьёз теми, кто действительно в этом разбирается.

Один за другим должны рухнуть все карточные домики обвинителей этой личности, если только однажды будет приобретено достаточно глубокое понимание её спиритуальной силы и характера её миссии. И постепенно среди развалин обвинений, заблуждений и т. п. будет проступать образ женщины, которая в полный значимости поворотный момент поставила свои способности на службу движению, чью ценность не признают лишь те, кто ещё не приобрёл для этого понимания.

И мы, теософы, всегда будем отмечать День Лотоса как праздник, как день памяти того момента, когда Е. П. Б. покинула физический план, как день любви и благодарности по отношению к основательнице нашего движения. Е. П. Б. не является авторитетом в общепринятом смысле, ибо подобный авторитет ей не нужен. Но должный и подлинный авторитет, подобающий для неё, будет обеспечен познанием её дела. Чувство почитания нужно *требовать* только там, где оно не проявляется свободно. Мы почитаем, любим Е. П. Б., потому что мы были бы не верны признаваемой нами истине, если бы относились иначе. И мы ощущаем, что это почитание будет становиться расцветающим лотосом. Потому что чем больше, шире будут становиться лепестки цветка, тем больше мы сами будем подниматься в познании. Но в этом восхождении труд Е. П. Б. станет опорой, нас поддерживающей. Поэтому эхом наших сердец должна быть *благодарность*, когда День Лотоса является нам как живой символ нашего растущего познания.

«Тайной доктрине»... станцы Дзиан: Воспроизведение и комментарии к станцам «Из книги Дзиан» составляют содержание обоих томов главного труда Е. П. Блаватской «Тайная доктрина».

33b. Мария фон Сиверс Эдуарду Шюре
Суббота, 7 октября 1905

Оригинал на французском языке

Берлин, 7 октября 1905

Уважаемый господин,

я была рада получить Ваше большое письмо, тем более что часто думала о Вас и неохотно поборола искушение навестить Вас в Вашем уединении в Барре, пусть и всего на несколько часов. Ведь я была совсем недалеко от Вас. И хотя в течение всего путешествия я была очень ограничена во времени, это не помешало бы мне; скорее, присутствовало чувство, что Вы бы не хотели, чтобы Вас беспокоили, — стремление оберегать Ваше уединение и мысль о том, что Вы живёте в Барре в волшебном замке, в который не следует вторгаться.

С 6 по 26 сентября я была в теософском турне с господином Штайнером, во время которого мы посетили несколько городов в Швейцарии и Южной Германии. В каждом месте мы проводили по два дня. В первый вечер была публичная лекция, а во второй — то, что называют беседой. Дни в различных городах были заполнены общением с интересующимися теософией, — в связи с их разнообразными потребностями. Не думаю, что как-то иначе можно было бы получить такое огромное количество самых разнообразных переживаний за столь короткое время, чем во время этих поездок с господином Штайнером и госпожой Безант. С человеческих душ словно спадают все завесы. Души предстают такими, каковы они есть, и иногда это похоже на извержение вулкана. Никогда бы не поверила, что люди могут быть такими запутавшимися, такими жалкими и такими невежественными в отношении самих себя; настолько жертвами своих собственных чувств и игрушками своих иллюзий. Также я никогда бы не поверила, что довольно сильная доля интеллекта, являющаяся характерной для нашего времени, в результате эгоизма может сочетаться с полным отсутствием действительного понимания, «проницательности». Эта проницательность встречается скорее у натур более простых, которым не застилает глаза самовлюблённость, в то время как рассудочность может

быть удивительно тупой и легко становится жертвой своих собственных ходов. Души действительно словно ландшафты, и через эти ландшафты мне приходится теперь путешествовать. Так мы проследовали из Санкт-Галлена в Цюрих, Базель, Фрайбург, Карлсруэ, Штутгарт, Гейдельберг, Франкфурт, Кассель, Веймар. Перед нами предстали различные интерьеры — в теософии ведь нет никаких барьеров между разными социальными классами, — и посещать души в многообразии окружающей их обстановки чрезвычайно поучительно. Для одних тормозом и гнетущей ношей являются работа и бедность, для других выстраивают непреодолимые преграды предрассудки и служение тем или иным накоплениям. Но добрым и утешающим является то, что каждый, кто был тронут учениями теософии, находит в себе силы нести свой крест и видит, как открывается путь, ведущий к свободе.

Это и утешает во всех разочарованиях, которым человек подвержен в Теософском обществе. Особенно я, которая вынуждена была посвятить себя организационной работе — это дело, наиболее претящее моему вкусу и являющееся настоящим сизифовым трудом, — я нуждаюсь в этом утешении больше всего. Зачастую приходится строить дом из совершенно жалкого материала, и при этом старое, уже доказавшее свою непригодность, смешивать с новым. Это оказывается возможным только благодаря мудрости и сверхчеловеческим усилиям господина Штайнера. Через несколько недель мы узнаем, должна ли будет эта работа, которая ведётся уже три года, продолжаться или её придётся прекратить, чтобы сузить поток и придать ему более внутреннюю направленность. Если должно будет произойти последнее, я буду сожалеть об этом только в связи с теми, кто в таком случае окажутся покинутыми.

С момента возвращения в Берлин у меня уже не было ни минуты для себя. Потому что дом полон лучших членов нашего общества, приехавших из других городов, чтобы в течение одного-двух месяцев работать с господином Штайнером. Прекраснейшие уроки каждый день. Нет, господину Штайнеру не нужен медиум, он великий посвящённый, и, конечно, в астральном чи-

тает не только он²⁷. Но его созерцание и его кристально-ясное знание охватывают миры, к которым мысль лишь издалека с ужасом прикасается, настолько они высоки. В его знаниях нет пробелов, и его сила так же велика, как его доброта. Возможно, мы оказываем ему плохую услугу, когда так говорим. Но мы, те, кто находимся рядом с ним и своими глазами видим чудо, не можем совсем молчать об этом. Быть может, самое непостижимое заключается в том, что сопутствовать себе в работе и в жизни он избрал такого хрупкого человека, как я. Есть люди, которых это раздражает. В нём будут искать слишком человеческого. Что ж, он знает, что делает. У него есть воля, которая и здесь выходит за рамки личного.

Вы спрашиваете меня, удовлетворена ли я переводом «Детей Люцифера».

<...>

В ноябре господин Штайнер будет читать две лекции в Кольмаре; их устраивает господин Остерман, член французской секции. Он хочет также лекцию в Страсбурге, но говорят, что там слишком мало склонны к тому, чтобы принимать новое.

Пусть свет, которому Вы даёте струиться в Ваши труды, согревает сердце также и Вам в эти дождливые осенние дни.

М. Сиверс

Прекраснейшие уроки каждый день: Заметки слушателей этого курса ныне представлены в GA 93а, «Основные элементы эзотерики».

²⁷ Вероятно, эти слова являются ответом на вопросы, ранее заданные Эдуардом Шюре. — *Прим. пер.*

34. Почтовая карточка: Господину д-ру Рудольфу Штайнеру,
Augustiner Hof, Цюрих

Почтовый штемпель: Berlin W, 11.11.05 11-12N | Zürich 13.XI.05

Берлин W, Моцштр. 17 11/XI

Во Франкфурте публичная лекция «Геккель, мировые загадки и теософия» назначена всё же на 8:30!* Я написала об этом также в Базель (на адрес господина Шустера), так как не знаю, не поздно ли уже для Цюриха. И, пожалуйста, не забудь, что господин Геринг приглашает на вегетарианский обед и что если пришествие произойдёт позже, то его нужно будет уведомить.

С лучшими пожеланиями,
М. С.

* Так что дискуссии быть не может!

Я попросила господина Наба заказать на поезд в 11:15 (это же, наверное, правильно?) спальный вагон.

лекция «Геккель, мировые загадки и теософия»: От франкфуртской лекции 15 ноября записей не сохранилось. Но Рудольф Штайнер часто выступал с этой темой и сам проверил конспект своей берлинской лекции, которая была напечатана в журнале «Люцифер-Гнозис». Ныне она представлена в GA 34, «Люцифер-Гнозис 1903–1908».

господина Шустера: Хуго Шустер (Hugo Schuster, 1876–1925), будучи молодым коммерсантом в Санкт-Галлене, активно участвовал в организации антропософской работы, например, при образовании ветвей в Санкт-Галлене, Берне и Базеле, с сентября 1905 года член общества. Благодаря христологическим изложениям Рудольфа Штайнера пришёл к профессии священнослужителя, в 1913 году начал изучение теологии и в 1918 стал священником старокатолической церкви.

господин Геринг: Рудольф Геринг-Крист (Rudolf Geering-Christ, 1871–1958), из Боттмингена в Базеле, книготорговец и издатель, в 1894 году вошёл в учредительное правление НТО в Берлине, в 1906 году основатель ветви Парацельса в Базеле, с 1921 года её председатель.

господина Наба: Франц Наб (Franz Nab), с июля 1905 года член общества, председатель основанной в январе 1906 ветви во Франкфурте.

35. Марии фон Сиверс в Берлин

Воскресенье, 12 ноября 1905, из Мюнхена

Любимая моя! Приложение я опущу следом в почтовый ящик, чтобы ты получила его завтра. Затем я попрошу графиню Калькройт, чтобы она ещё сегодня отправила тебе книгу, тогда она будет у тебя также завтра.

В Мюнхене, я считаю, всё прошло хорошо.

Сейчас 6 часов утра, скоро отъезд, и я ещё из Мюнхена посылаю тебе самые сердечные и любящие из всех моих чувств.

Остальную часть «Новостей» я также отправлю ещё сегодня.

Тепло приветствую тебя, — и, когда я приеду, будь вполне, вполне здоровой Мышью

Твой Рудольф

Мюнхен, 12 ноября

Приложение... Остальную часть «Новостей»: «Приложение», вероятно, относится к «Новостям», остальная часть которых должна была последовать вечером. — «Новости» — это «Сообщения...» Шолль, решение о выпуске которых было принято на генеральном собрании 1905 года и которые выходили до 1914 года. Соответствующие рукописи, как видно из писем, были просмотрены и откорректированы Рудольфом Штайнером.

36. Марии фон Сиверс в Берлин
Вторник, 14 ноября 1905

Базель, 15 ноября 1905

Любимая моя!

Итак, вот и я прибыл в Базель. В Санкт-Галлене, по-моему, всё сложилось, несмотря на рискованный выбор темы. Только на этот раз был снят зал «Фолькских», где недавно проходил разговор в узком кругу. Но туда приходит совершенно другая публика. Следовало бы, однако, позаботиться о том, чтобы сохранить аудиторию, однажды уже привлечённую. Ритман же человек медлительный. У Оберхольцер я не мог жить, так как у неё уже был другой гость. Поэтому Ритман пригласил меня к себе. Если бы только люди — а они ведь имеют в виду лишь хорошее — не поселяли в неотапливаемые комнаты! Нельзя подвергаться опасности подхватить простуду, когда приходится говорить каждый день. Кстати, так делает и Хубо.

В Цюрихе был переполненный зал. Много внутреннего согласия, но также много и внутреннего сопротивления, которое, однако, в последующей дискуссии *не* проявилось. Грас также снова был там. Только он один хотел бы более «натуральной» теософии. Было много русских и поляков. Они оставались дольше всех. Д-р Гизи полон «этот сказал», «тот скажет», «не следует заходить слишком далеко» и т. п. Он уже почти заразил этим добрую Вегман. Поэтому я даже готов понять её боязливость, ведь у неё впереди экзамен, а у профессоров в Цюрихе шоры из тех же мастерских, что и в других местах. И вот сегодня я в Базеле. Трапеза у Геринга, на которой также присутствовал Шустер, осталась позади (сейчас 5 часов). Геринг подавлен, как и несколько недель назад, Шустер по-прежнему немного болтун. Посмотрим.

Во Франкфурте я сразу же напишу о прибытии. Я выезжаю завтра в 8:16 и в 2 часа буду во Франкфурте. Тогда позабочусь и обо всём остальном.

Из Франкфурта я выезжаю в 10:23 вечера и буду в Берлине в 7:40 утра. Там я надеюсь обнаружить вполне здоровую добрую Мышь.

Со всей сердечностью,
Рудольф

Дата в заголовке письма (15 ноября): Здесь Рудольфом Штайнером допущена ошибка, так как 13 ноября он выступал в Цюрихе, 14 ноября в Базеле, 15 ноября во Франкфурте.

Базель... Санкт-Галлене: Теософские группы в Базеле и Санкт-Галлене присоединились к немецкой секции в октябре и январе 1906 года соответственно.

рискованный выбор темы: «Наша планетная система с точки зрения духовного миропонимания».

Ритман: Отто Ритман (Otto Rietmann, 1856–1942), фотограф, с декабря 1905 года член общества, председатель основанной в январе 1906 года ветви в Санкт-Галлене. В его ателье было сделано большинство фото-портретов Рудольфа Штайнера, а также он выполнил большое количество снимков строящегося здания Гётеанума.

Оберхольцер: Эмми Оберхольцер (Emmy Oberholzer), стала членом общества в декабре 1905 года.

Грас: Густо Грэзер (Gusto Gräser, 1879–1958), «апостол природы» двадцатых годов; см.: Ульрих Линзе, «Босоногие пророки. Спаситель двадцатых годов» (Ulrich Linse, «Barfüßige Propheten. Erlöser der zwanziger Jahre», Berlin 1983). Воспоминание о нём (без указания имени) — в лекции в Дорнахе 10 сентября 1915 года (GA 253).

добрую Вегман: Д-р мед. Ита Вегман (Ita Wegman, 1876–1943), училась тогда в Цюрихе, в 1921 году основала Клинико-терапевтический институт в Арлесхайме, что способствовало интенсивной совместной работе с Рудольфом Штайнером в области медицины. В 1922–23 гг. состояла в узком рабочем кругу Гётеанума, с Рождества 1923 по 1935 — в правлении Всеобщего антропософского общества, руководитель медицинской секции.

37. Марии фон Сиверс в Берлин
Суббота, 18 ноября 1905, из Гамбурга

Любимая моя!

Прежде всего, о «Моисее». Это снова очень хорошая глава. Теперь я сделаю всё возможное, чтобы «Луна» была готова к нужному времени. Но здесь тепло только в одной комнате. И я должен рассчитывать на вагон поезда. Но как сказано: всё должно состояться.

В сердечнейшей любви пребываю мысленно с тобой. Будь ради меня — вполне, вполне здоровой М.

Сердечнейше,
Рудольф

12:30. —

Надеюсь, мой мозг замёрз ночью не настолько сильно, чтобы пострадала корректура «Моисея». Это происходило с 5 утра. —

Прежде всего, о «Моисее»: Речь идёт о переводе главы из книги Эдуарда Шюре «Великие посвящённые», выполненном Марией фон Сиверс. — Ср. с прим. к письму №27.

«Луна»: См. следующее письмо, №38.

38. Марии фон Сиверс в Берлин
Воскресенье, 19 ноября 1905, по дороге из Гамбурга в Кольмар

Воскресенье, 12:30

Любимая моя! Прилагаю «лунную эволюцию». Я подготовил её для тебя сегодня с утра и по прибытии в Кольмар сразу же отправлю срочным письмом. Тогда ты должна будешь получить её завтра утром. Совершенно невозможно было сделать её у Хубо: в моей спальне замерзает, а в его комнатах постоянно крутит-

ся он сам. В субботу он полностью освободился от дел. Сохрани тогда сей труд, пока я не приеду. Для прочтения вслух это, пожалуй, подходит очень хорошо. Для «Люцифера» нужно будет ещё немного доработать.

Вчера вечером в Гамбурге был полный зал, и интуитивно я чувствовал, что было лучше, чем когда-либо. То же самое сказали потом также и Зеллин с госпожой Тоде.

Настоящей дискуссии не было. И вчера это совершенно определённо было потому, что люди хотели сохранить впечатление.

Надеюсь, в четверг я найду свежую и здоровую М.

Сердечнейше,
Рудольф.

«лунную эволюцию»: Подобной рукописи для Марии фон Сиверс, предназначенной к прочтению в Берлинской ветви во время вечерней работы по понедельникам, в архивах не обнаружено. Однако поскольку Рудольф Штайнер ещё замечает: «Для „Люцифера“ нужно будет ещё немного доработать», то речь может идти только о главе из «Акаша-хроники» под названием «Жизнь на Луне», напечатанной в №29 журнала «Люцифер-Гнозис» (ныне представлена в GA 11, «Из Акаша-хроники»).

Зеллин: Альбрехт Вильгельм Зеллин (Albrecht Wilhelm Sellin, 1841–1933), директор действующего в Бразилии Ганзейского колонизационного общества, с ноября 1904 года член общества в Гамбурге, в июле 1908 вышел на пенсию, председатель при создании Цюрихской ветви в октябре 1908 года, с 1910 был активен в Мюнхене, играл в мистериальных представлениях в 1909–1913 гг.

39. Рудольфу Штайнеру, предположительно, в Кольмар
Около воскресенья, 19 ноября 1905, из Берлина

Приветствую тебя, — у меня сегодня беспрерывно посетители, — пожалуйста, когда будет возможность, прочти письмо гос-

пожи Минцловой. Это глубоко трагический случай, о котором я ещё расскажу.

госпожи Минцловой: Анна Рудольфовна Минцлова (род. 1865), русская, в октябре 1905 года стала членом общества в Берлинской ветви. Примечательная личность, высокообразованная и с большими оккультными познаниями, некоторое время оказывала сильное влияние на русских теософов. В августе 1910 Анна Минцлова исчезла и дальнейшая её судьба неизвестна.

40. Марии фон Сиверс в Берлин
Понедельник, 20 ноября 1905

Кольмар (Эльзас), 20 нояб. 1905

Любимая моя!

Надеюсь, ты вовремя получила материалы о «Луне», так что сегодня вечером всё пройдет хорошо. Итак, я прибыл сюда по плану, вчера в 3:27. Остерман меня ждал — и затем проводил в *ледяную* комнату, почти что ещё хуже, чем у Хубо. Я мёрз там много часов подряд и действительно не понимал, как такое возможно. Ведь отапливались даже коридоры. Но только не моя комната. Тогда вечером я сказал весьма сдержанно, что так невозможно. Он ответил совершенно простодушно: «Я совершенно забыл об этом». И затем было натоплено, но как!

Затем была лекция. Слушателей было не слишком много, но вполне достаточно. Погода была плохой и в воскресенье. Аудитория, ещё совсем ничего не знающая о теософии. Несколько протестантских пасторов, два католических священника. Вместе с вопросами всё длилось с 8:15 до 11 часов. Похоже, публику действительно удалось заинтересовать.

Затем вечером я снова обнаружил плохо нагретую комнату и — в постели была грелка, которую я немедленно выкинул. Разве это не противоестественно, и даже комично: поместить паровой котёл в яму со льдом, чтобы ошпарить наполовину?

Для умывания утром я получил чашку тёплой воды, и таз — такой же величины, как тот, который Марта не могла отучиться ставить на стол.

Вообще-то я не хотел бы тебе обо всём этом писать; но я хочу попросить тебя послать несколько подходящих слов Аренсону, что я — по каким-то своим причинам — в Штутгарте *должен* на этот раз остановиться в отеле. Пусть в Штутгарте на меня не держат за это зла. Придумай подходящие слова. Но я действительно ничего не могу поделать. Всё остальное я переношу без потерь. Но эти частные приглашения — за исключением действительно хорошо подходящих в Мюнхене и Кёльне — постепенно делают меня неспособным к работе. Теперь я полностью в этом убедился.

Прости мне, любимая моя, эти ламентации²⁸. Но даже это я пишу замерзая. В действительности это не вина людей. Просто они ничего не понимают в условиях духовной работы.

Итак, сегодня Страсбург, завтра снова Кольмар. Затем в среду, так рано, как только возможно, я еду во Фрайбург (отель «Zum Pfauen»). Лучше прилипнуть к полу, как это однажды произошло там, чем примерзнуть здесь.

Как ты, вероятно, уже прочитала, госпожа Любке пишет о 3 декабря. Я только что пообещал. Сообщи также госпоже Шолль, что я хотел бы быть в *Эльберфельде* 3 декабря, но только вечером. Тогда я ещё ночью с 3 на 4 отправлюсь в *Дюссельдорф*, и там также хотел бы жить в отеле.

Будь здоровой, свежей М.
Сердечнейше,
Рудольф

Письма от госпожи Минцловой я, однако, *не получал*.

Остерман: Альфред Остерман (Alfred Ostermann, 1862–1919), жил в Кольмаре, член французской секции Теософского общества.

²⁸ От итал. *lamento* — жалоба. В музыке — интонации жалобного характера. — *Прим. пер.*

41. Марии фон Сиверс в Берлин
Суббота, 25 ноября 1905, из Нюрнберга

Любимая моя, в приложении посылаю также кое-что о днях недели и об эволюции. Это набросок, но он может послужить тебе помощью в представлении темы понедельника, которая сейчас так удачно ложится после солнечного и лунного развития. —

Вчера ты сама могла увидеть, как мало осталось от прежних эзотерических институтов, которые были *ведь* когда-то физиогномическим выражением высших миров. В действительности три символических градуса — ученик, подмастерье, мастер — должны выражать три ступени, на которых человек находит себя *в духе*, то есть свою самость *в пределах* того или иного человеческого типа. И высокие градусы должны указывать на последовательное возвышение, через которое человек становится тружеником при храме человечества. И как становящийся, то есть астральный, эфирный и физический, организм человека является микрокосмосом прошедшего мира, так же и храм, который должен быть воздвигнут масонами в мудрости, красоте и прочности, является макрокосмическим отражением внутренней микрокосмической мудрости души, красоты души и прочности души.

В материализме человечество утратило живое сознание всего этого, и внешняя форма часто переходит в распоряжение людей, не имеющих доступа к внутренней жизни.

Теперь задачей было бы высвободить масонскую жизнь из отчуждённых форм и родить вновь, — при этом, конечно, вновь рождённая жизнь должна родить и *новые* формы. Это должно быть нашим идеалом: создавать *формы*, являющиеся выражением внутренней жизни. Ибо в эпоху, которая не может созерцать и созерцая создавать формы, дух неизбежно должен развестись до бессущностной абстракции, а действительность вынуждена предстать этому чисто абстрактному духу как бездуховный конгломерат. — Когда люди действительно станут способными понять формы, — например, рождение душевного из облачного эфира «Сикстинской мадонны»: тогда вскоре для них больше не будет никакой бездуховной материи. — И поскольку большинству людей одухотворённость в отношении форм можно показать только через посредничество религии, то работа в направ-

лении будущего должна идти так: религиозный дух следует облакать в доступную восприятию прекрасную форму. Но для этого необходимо сначала углубиться в содержание. Теософия должна принести прежде всего *такое* углубление. Пока человек не ощутит, что духи живут в огне, в воздухе, воде и земле, у него также не будет и искусства, которое воспроизводило бы эти тайны во внешних формах.

На сегодня сердечнейше — от Рудольфа

в представлении темы понедельника: Речь идёт о вечерних встречах по понедельникам в Берлинской ветви, на которых в отсутствие Рудольфа Штайнера председательствовала Мария фон Сиверс.

солнечного и лунного развития: См. GA 11, «Из Акаша-хроники».

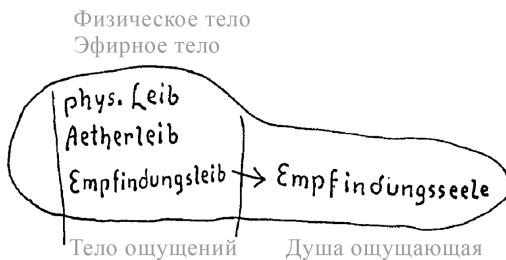
Вчера ты сама могла увидеть: Церемония посвящения в масонский орден Мемфис-Мицраим, см. примечание к письму №42.

41a. Приложение к письму №41

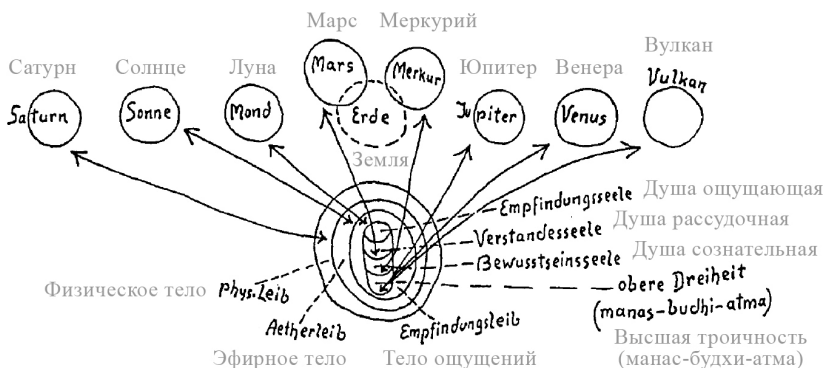
Названия дней недели и эволюция человека

В последовательности дней недели находит своё выражение эволюция нашей планетной системы. При этом нужно ясно понимать, что эзотерически *Земля* должна быть заменена двумя планетами — Марсом и Меркурием. А именно, первая половина земного развития от начала до середины атлантической эпохи (первая, вторая, третья и половина четвёртой расы) внутренне связана с Марсом, а вторая (половина четвёртой, пятая, шестая, седьмая расы) — с Меркурием. Когда существа, которые развивались на Луне, поднялись из тьмы пралайи (первая рунда Земли), в человеке было в зачатке развито следующее: 1. физическое тело (начиная с Сатурна); 2. двойное эфирное тело (начиная с Солнца), 3. тело ощущений (начиная с Луны). После всего,

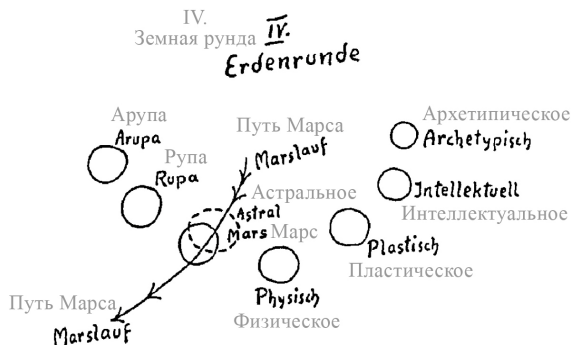
что было заложено Луной, могла теперь в первой земной половине (первая, вторая, третья рунды) развиваться — без внешнего влияния — душа ощущающая, слитая воедино с телом ощущений. Таким образом, в силу тенденции, лежащей на прямой линии эволюции, человек был предрасположен затвердеть как существо, которое строилось бы по следующей схеме:

Для того чтобы человек продолжал теперь развиваться дальше, ему необходимо было новое влияние. На Земле во время первой половины её эволюции должны были быть посеяны силы, которых ещё не было на трёх предыдущих мировых телах. Существа, направляющие земное развитие, во время его первой половины использовали для этого силы *Марса*; во время второй половины они используют силы Меркурия. Через силы Марса душа ощущающая (астральное тело) претерпевает обновление. Она становится тем, что в моей «Теософии» называется душой рассудочной. Благодаря силам Меркурия душа рассудочная вновь обновляется — настолько, что не останавливается на своей собственной эволюционной ступени, но раскрывается до души сознательной. И внутри души сознательной рождается «самодух» (манас). На Юпитере он станет господствующим в человеке принципом. Схожим образом будет это с жизнедухом (будхи) на Венере и с атмой на Вулкане. Если провести таким образом параллель между членами человеческого существа и планетами и их силами, поскольку последние участвуют в построении этих членов, то получится следующая схема.

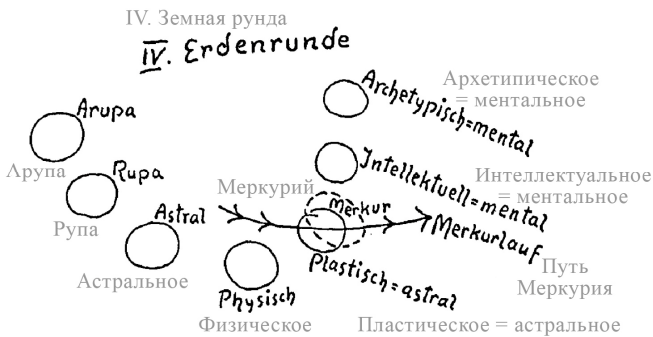

Человек не был на Марсе; но его душа рассудочная находится в такой внутренней связи с этой планетой, что её силы нисходят с Марса. *Пространственно* это можно представить так, что Земля, до того как она в своей *четвёртой рунде* сама стала эфирной (следовательно, и физической), проходила через Марс, который тогда был эфирным. Схематически это можно представить так:

Это прохождение продолжалось даже и в физическое время Земли; и *пока* это совершалось, руководящие существа взяли у Марса необходимую для души рассудочной кама-материю, и поскольку она имеет своего физического носителя в тёплой крови (в крови Ареса, сражающегося человека), в состав Земли тогда было включено *железо*, являющееся элементом крови. —

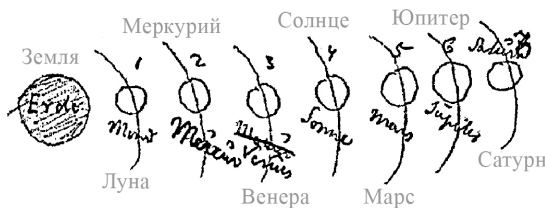
Точно так же человек на самом деле никогда не будет населять Меркурий, но с середины атлантического периода он находится в связи с кама-материей (в действительности, кама-манас-материей) Меркурия, и из неё руководящие существа взяли силы для души сознательной. В качестве физического носителя благодаря этому воздействию Меркурия на Землю пришла ртуть (Меркурий). После развития до пластического состояния Земля пространственно будет проходить через Меркурий. Земля тогда будет астральной, а Меркурий — эфирным. — Схематически это выглядит так:

Весь этот ход эволюции Земли посвящённые вложили в порядок дней недели:

1. Суббота (Sonabend) = день *Самурна* (Saturntag): Saturday
2. Воскресенье, день *Солнца* (Sonntag)
3. Понедельник, день *Луны* (Montag)
4. День *Марса* (Marstag) = mardi = diustag (Diu — это немецкий Арес, Марс или бог войны)
5. День *Меркурия* (Merkurtag) = mercredi = Wotanstag (Wotan — это немецкий Меркурий; см. «Германию» Тацита)
6. День *Юпитера* (Jupitertag) = jeudi = Donarstag (Donar — это немецкий Юпитер)
7. День *Венеры* (Venustag) = vendredi = Frejatag (Freja — это немецкая Венера)
8. День *Вулкана* (Vulkantag) не сформирован, поскольку является повторением, как *октава* является повторением *примы*.

В тайных школах изучается ещё одна закономерность дней недели, которая не находится в каком-либо противоречии с первой, но полностью с ней согласуется. Она основывается на том, что каждый день разделяется на четыре части и каждой части соответствует определённая планета. В основе всего этого лежит последовательность планет в порядке их удалённости от Земли; а именно:

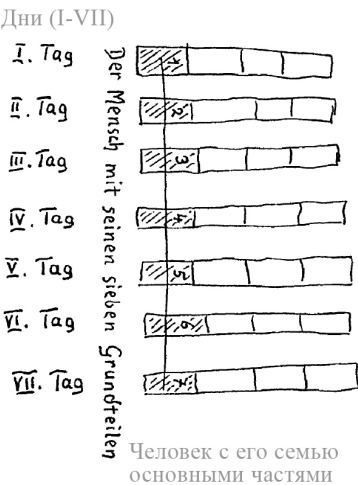
Таким образом, имеем:

	Утро	День	Вечер	Ночь
I	Луна 1 День Луны	Меркурий 2	Венера 3	Солнце 4
II	Марс 5 День Марса	Юпитер 6	Сатурн 7	Луна 8
III	Меркурий 9 День Меркурия	Венера 10	Солнце 11	Марс 12
IV	Юпитер 13 День Юпитера	Сатурн 14	Луна 15	Меркурий 16
V	Венера 17 День Венеры	Солнце 18	Марс 19	Юпитер 20
VI	Сатурн 21 День Сатурна	Луна 22	Меркурий 23	Венера 24
VII	Солнце 25 День Солнца	Марс 26	Юпитер 27	Сатурн 28

Итак, планеты вписывают в четверти дня: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн; затем начинают снова: Луна, Меркурий и т. д. Если ходить так по кругу до тех пор, по-

ка Луна снова не окажется на первом месте, тогда будут истощены семь дней.

В основе этого распределения лежит отношение 4 (тетраграмма) к 7. Смысл этого в том, что в первую часть дня одна из основных частей сопоставлена планете, которой, в соответствии с её силами, принадлежит день:

Благодаря этой закономерности можно увидеть, как человек построен исходя из макрокосмоса и вследствие этого имеет самые разнообразные отношения с конstellляциями макрокосмических тел.

42. Марии фон Сиверс в Берлин
Четверг, 30 ноября 1905

Карлсруэ, 30 нояб. 1905

Любимая моя, с твоей программой я согласен. В Штутгарте зал уже арендован на соответствующие дни. Таким образом, дни для Штутгарта также определены извне. На Рождество я остав-

ляю всё на твоё усмотрение, моя любимая. Я только, пожалуй, хотел бы, если получится, поехать в Пешт, а потом — побывать в Хорне. Но об этом мы можем ещё поговорить.

В Штутгарте и Гейдельберге, по-моему, всё прошло хорошо. Поскольку я осуществил намерение с визитом в Тюбинген, в Штутгарте всё получилось несколько второпях.

Твои слова в последнем письме прекрасны; и я так рад, что от статей в «Люцифере» ты нечто приобрела.

Юлиус Энгель получил теперь свой предмет. Я надеюсь, что всё в порядке.

Сегодня я снова не могу много писать тебе. В Гейдельберге люди тоже требовали много моего времени, — ты знаешь, как это бывает.

Масонский вопрос мы будем решать осмотрительно, без всякой спешки. Ройс не тот человек, на которого можно в чём-то положиться. Мы должны чётко понимать, что при этом крайне необходима *осторожность*. В действительности, мы имеем дело с «обрамлением», не более того. На данный момент за этим ничто не стоит. Оккультные силы *полностью* от этого отошли. И пока я могу только сказать, что ещё не знаю, не придётся ли мне однажды сказать: делать этого вообще нельзя. Поэтому я прошу тебя, любимая моя, говорить с людьми лишь предварительно. Если однажды мы будем вынуждены сказать: в этом мы не участвуем, — то до этого не должны быть слишком сильно ангажированы. Там замешаны отчасти личные, отчасти тщеславные мотивы. От того и другого оккультные силы бегут. Конечно, на данный момент всем оккультным силам кажется бесполезным, что мы делаем подобное. Но что-то определённое об этом я и сегодня ещё не могу сказать. Если при следующем разговоре с Ройсом мы заметим что-то некорректное, то по-прежнему сможем поступить соответственно.

На сегодня ещё лишь сердечнейшее приветствие,
Рудольф.

На Рождество... поехать в Пешт, а потом... побывать в Хорне: Скорее всего, Рудольф Штайнер исполнил это намерение в период между 3 и 7 января 1906 года, см. примечание к письму №44.

намерение с визитом в Тюбинген: Визит к врачу Эмилию Шлегелю, состоявшийся между 26 и 28 ноября 1905 года. Этот визит упомянут в лекции от 12 апреля 1924 года в Дорнахе (GA 236).

что от статей в «Люцифере» ты нечто приобрела: Должно быть, речь идёт прежде всего о начатых в 1905 году в октябрьском выпуске журнала «Люцифер-Гнозис» двух сериях статей: «Теософия и социальный вопрос» (ныне представлена в GA 34, «Люцифер-Гнозис 1903–1908») и «Ступени высшего познания» (GA 12).

Энгель: Юлиус Энгель (Julius Engel, ок. 1854–1925), художник, в 1894–1897 гг. председатель НТО в Берлине, в 1898 году основатель и председатель ветви в Шарлоттенбурге, около 1905 года стал профессором в Технической высшей школе в Магдебурге.

Масонский вопрос... Ройс: Теодор Ройс (Theodor Reuß, 1855–1923), в 1902 году вместе с д-ром Францом Гартманом был уполномочен масоном Джоном Яркером представлять в Германии устав Мемфис-Мицраим. Согласно новым обнаруженным письмам, человеком, сделавшим Рудольфу Штайнеру предложение основать ложу для теософов, был Франц Цаврель. Он был посредником при установлении контакта с Ройсом, когда в октябре 1905 года Рудольф Штайнер решил для основываемого познавательного-культового отделения Эзотерической школы получить авторизацию через этот орден. Франц Цаврель из Праги в это время жил в Берлине, он имел 95-й градус и в 1904 ушёл в отставку с поста генерального секретаря этого ордена, вероятно, в Богемии. В феврале 1905 года он стал членом общества в Берлинской ветви. Подробнее см. GA 28, «Мой жизненный путь» (глава 36) и GA 265, «К истории и содержанию познавательного-культового отделения Эзотерической школы», и далее — Хелла Висбергер «Эзотерическая образовательная деятельность Рудольфа Штайнера».

Найденные ошибки и опечатки, а также связанные с этим изданием дополнительные материалы будут публиковаться на странице, посвящённой книге:
www.kultur-epocha.ru/books/ga262/

Для подписки на **новости книги** отправьте в свободной форме сообщение по электронной почте на адрес
ga262@kultur-epocha.ru

Выпуск наших книг осуществляется благодаря **пожертвованиям**. Поддержать выпуск этой и последующих книг можно на странице
www.kultur-epocha.ru/donate/

Рудольф Штайнер
Мария Штайнер (фон Сиверс)

Письма и документы
1901–1925

Переводчики
Алексей Жилов, Кира Езерская

Верстальщик
Алексей Жилов

Подписано в печать 04.12.2023. Формат 148×224 мм
Бумага офсетная. Гарнитура Times
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №5271

Издательство «Культурная эпоха»
www.kultur-epoha.ru, info@kultur-epoha.ru

Культурная
эпоха

Отпечатано в ООО «Сила слова».
127030, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Тверской, ул. Суцёвская, дом 12, строение 1.
info.silaslova@yandex.ru

ISBN 978-5-4465-3999-4

9 785446 539994 >